С. С. Глаголевъ,
Профессоръ Императорской Московской Духовной Академіи.

БРЮССЕЛЬ и ПАРИЖЪ

ДЛЯ

науки о религіи.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.
Изданіе книжнаго магазина М. С. Елова.
1915.

Оттискъ изъ „Богословскаго Вѣстника". Май. 1915 г

Брюссель и Парижъ для науки о религіи.

На Руси и не на одной Руси много говорятъ о брюссельскихъ кружевахъ и парижскихъ модахъ, но неохотно связываютъ названія этихъ городовъ съ представленіемъ о научныхъ занятіяхъ. Подъ парижской наукой охотно готовы понимать науку страсти нѣжной, но никакъ не примѣненіе эллиптическихъ интеграловъ къ рѣшенію уравненій пятой степени. „Нѣмецъ обезьяну выдумалъ“, „нѣмецкая наука“, „нѣмецкая философія“, „нѣмецкая богословская наука“, вотъ—слова, которыя наше ухо во многихъ случаяхъ ждетъ также законно, какъ въ другихъ случаяхъ оно ждетъ слова „аминь“. Но что касается до обезьяны, то ее пожалуй выдумали французъ—Ламаркъ и англичанинъ—Дарвинъ, а нѣмецъ Геккель только хотѣлъ создать культъ дарвинизма, и это теперь ставитъ его въ затруднительное положеніе, такъ какъ Геккель „патріотъ своего отечества“.

Нѣмецкая наука существуетъ, какъ одна изъ благородныхъ и плодотворныхъ вѣтвей одной общечеловѣческой науки, но было бы совершенно напрасно думать, что во всѣхъ отрасляхъ знанія нѣмцы всегда шли и идутъ впереди всѣхъ культурныхъ народовъ. Такъ, въ области защиты религіи и въ сферѣ исторіи религій Бельгія и Франція въ послѣднія десятилѣтія, насколько я могу судить, дали гораздо больше, чѣмъ наши ближайшіе сосѣди и теперь злѣйшіе враги—нѣмцы. Этого впрочемъ у насъ не замѣчали. Такъ, когда въ началѣ XX столѣтія былъ открытъ кодексъ Гаммураби, возбудившій много споровъ о происхожденіи Моисеева законодательства, русскій книжный рынокъ наводнился переводными съ нѣмецкаго брошюрами о Гаммураби,

и никто почти не замѣтилъ, что памятникъ открытъ французской экспедиціей, переведенъ и опубликованъ французомъ, помѣщенъ въ Луврѣ, и лучшая копія его давно уже стоитъ въ Британскомъ музеѣ.

Я не имѣю въ виду унижать нѣмецкія заслуги въ наукѣ. Было бы слишкомъ странно, если бы я сталъ говорить, что открытіе Рентгена сдѣлано не Рентгеномъ или что Рентгенъ—не нѣмецъ. Нѣтъ; будемъ воздавать нѣмцамъ должное, но настоящее положеніе вещей представляется мнѣ благопріятнымъ для того, чтобы обратить вниманіе людей, интересующихся наукой о религіи на то, что сдѣлано въ этой области не нашими врагами нѣмцами, а нашими теперешними союзниками—бельгійцами и французами.

Я начну съ Брюсселя.

Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія въ естествознаніи стало замѣтно преобладать антихристіанское направленіе. И прежде между натуралистами являлось много невѣрующихъ, однако было много и вѣрующихъ, но съ указаннаго времени, казалось, трудно было найти человѣка, соединявшаго изученіе наукъ естественныхъ съ искреннимъ исповѣданіемъ христіанской религіи. Явились особыя причины для этого. Въ естествознаніи возникла и затѣмъ получила широкое распространеніе гипотеза эволюціи. Эта гипотеза, отрицая всякое вмѣшательство высшей силы, чрезвычайно просто и повидимому правдоподобно объясняла развитіе вселенной, образованіе органическаго міра, происхожденіе человѣка. Бытіе Бога не только не требовалось этою гипотезою для объясненія существующаго міра, напротивъ, какъ утверждали нѣкоторые сторонники новаго ученія, предположеніе существованія верховнаго Начала только затрудняло бы пониманіе дѣйствительности.

Новое ученіе быстро распространилось и сильно подчинило себѣ умы образованныхъ обществъ. Его сравнивали, да сравниваютъ еще и теперь съ ученіемъ Ньютона о тяготѣніи, утверждая, что оно не только должно имѣть такое же научное значеніе, какъ теорія тяготѣнія, но что оно имѣетъ и такую же степень достовѣрности. Натуралисты христіане должны были съ глубокою грустію слѣдить за могучимъ антирелигіознымъ потокомъ, разливавшимся по Европѣ и Америкѣ. Ихъ попытки выступать съ критическими

разборами новаго ученія и съ полемическими трудами противъ него обыкновенно встрѣчались высокомѣрными и презрительными насмѣшками, и ихъ робкіе и ставшіе неувѣренными голоса должны были смолкать, если они не желали подчиниться новымъ вѣяніямъ.

Но вотъ во время самаго разгара увлеченія новой доктриною у нѣкоторыхъ ученыхъ, соединявшихъ любовь къ изслѣдованію природы съ любовью къ Библіи, возникла благая и плодотворная мысль, что борьба съ новымъ ученіемъ станетъ гораздо успѣшнѣе, если противъ него дѣйствовать общими силами и если бороться съ нимъ подъ тѣмъ знаменемъ, которому не могутъ отказать въ уваженіи люди какой бы то ни было партіи, подъ знаменемъ чистой науки. 1 марта 1875 г. 10 друзей натуралистовъ собрались въ Брюсселѣ и составили проектъ новаго ученаго общества, девизомъ котораго должны были стать слова: „nulla unquam inter fidem et rationem vera dissensio esse potest"—между вѣрою и знаніемъ никогда не можетъ-быть дѣйствительнаго разногласія. Цѣлью общества поставлялось „создать нѣчто въ родѣ плотины противъ разливавшагося матеріалистическаго потока, противъ антирелигіознаго фанатизма, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ передъ этимъ установившихся въ высшихъ и низшихъ областяхъ знанія. Общество должно было стараться сгруппировать около своего девиза ученыхъ христіанъ, людей религіозныхъ, чтобы бороться противъ раціоналистическихъ и атеистическихъ доктринъ оружіемъ истинной науки. Въ то же время общество славою именъ своихъ членовъ и солидными заслугами ихъ трудовъ въ области чистой науки должно было показать, что можно быть вмѣстѣ и вѣрующимъ подчиненнымъ сыномъ церкви и плодовитымъ и свободнымъ изслѣдователемъ природы" [1]).

Черезъ 3 недѣли во второмъ собраніи брюссельскіе иниціаторы выработали основныя правила устава, которыя сообщили различнымъ ученымъ. Въ составъ общества выразили желаніе поступить новые члены, 17 іюня былъ опубликованъ

[1]) La societè scientifique de Bruxelles p. 346. Rev. d. Quest. scientif. T. I. Всѣ слѣдующія цитаты также относятся къ Revue. Во избѣжаніе безполезныхъ повтореній мы будемъ опускать заглавіе журнала, а ставить только заглавіе статей и указанія тома (а когда нужно страницъ). Каждый томъ заключаетъ въ себѣ двѣ книжки.

статутъ новообразующагося общества. Статутъ былъ составленъ изъ 17 членовъ. Въ первомъ членѣ его помянутъ девизъ, слѣдующіе члены опредѣляли условія для поступленія въ общество, правила о собраніяхъ и т. д. Однимъ изъ членовъ опредѣлялось, что въ обществѣ будетъ 5 секцій: 1) секція наукъ математическихъ, 2) физическихъ, 3) естественныхъ, 4) медицинскихъ, 5) экономическихъ. Въ десятомъ членѣ было поставлено, что общество никогда не позволитъ, чтобы въ немъ производились нападенія—хотя бы самыя деликатныя—на католическую религію или вообще на спиритуалистическую и религіозную философію. Послѣдній семнадцатый членъ опредѣлялъ, что девизъ и десятый членъ никогда не могутъ быть измѣнены [1]).

Открытіе общества послѣдовало 18 ноября того же года. Въ засѣданіи при открытіи отношеніемъ предварительнаго комитета было сообщено, что 453 лица выразили согласіе поступить въ число членовъ общества, 453 ученыхъ, имена которыхъ всегда будутъ связаны съ исторіей развитія естественныхъ наукъ въ семидесятыхъ и восмидесятыхъ годахъ девятнадцатого столѣтія (Лаппаранъ, Мивартъ, Арсленъ)! Можно ли было ожидать такого успѣха? Пусть кто-нибудь пролистуетъ оглавленіе нашихъ періодическихъ журналовъ за указанные годы и почитаетъ статьи, посвященныя естественно-научнымъ вопросамъ. Много ли писалось у насъ не въ духѣ дарвинизма и даже писалось ли что нибудь? Періодическія изданія обязательно приглашали своихъ читателей усвоить плодотворные принципы дарвинизма и теорію благотворности борьбы за жизнь, объясняли, что для человѣка гораздо почтеннѣе считать въ числѣ своихъ предковъ чадолюбиваго павіана, чѣмъ вѣрить, что его первый человѣческій предокъ былъ сотворенъ изъ земной пыли. Это писалось въ журналахъ и утверждалось на публичныхъ чтеніяхъ самымъ догматическимъ тономъ. Нечего говорить, что все это было у насъ отраженіемъ того, что писалось и читалось на западѣ. При чтеніи всего этого должно было испытывать такое же чувство, которое испыталъ нѣкогда ветхозавѣтный пророкъ, видя крайнее развращеніе Израиля и предположивъ, что въ Израилѣ не осталось ни одного вѣр-

[1]) Statuts. T. I.

наго Богу. Илія ошибся, Богъ въ тишинѣ возвѣстилъ ему, что въ Израилѣ осталось 7000 вѣрныхъ Господу. Также ошиблись и тѣ, которые въ семидесятыхъ годахъ думали, что между натуралистами почти никто не остался вѣрнымъ Господу. На призывъ десяти немедленно откликнулось 453 ученыхъ, и затѣмъ число это постоянно и быстро возрастало.

Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ своего существованія общество издавало ежегодные анналы, но затѣмъ съ 1877 г. начало издавать періодическій журналъ, заглавіе котораго выписано нами, и который издавался до дней преступнаго нашествія кайзера Вильгельма на Бельгію.

Revue des Questions scientifiques выходило 4 раза въ годъ 20 января, 20 апрѣля, 20 іюля и 20 октября книжками, заключающими въ себѣ—каждая по 350 страницъ (число это измѣняется лишь на нѣсколько страницъ). Журналъ мѣнялъ мѣсто своего изданія. Въ послѣднее время онъ издавался въ Лувенѣ, но издателемъ неизмѣнно было брюссельское общество. Статьи въ журналѣ посвящаются тѣмъ наукамъ, секціи по которымъ существуютъ у брюссельскаго общества. Впрочемъ, статей по чистой математикѣ нѣтъ, на страницахъ Revue можно встрѣтить только статьи о приложеніи математическаго анализа къ химіи, къ естественнымъ наукамъ, разборъ математическихъ учебниковъ (въ библіографическомъ отдѣлѣ), изслѣдованіе математическихъ теорій въ физикѣ и механикѣ (наприм., изслѣдованіе теоремы $\int \frac{dQ}{T} = o$), но не статьи по чисто математическимъ вопросамъ. Вѣроятно общество находитъ, что только немногіе даже и изъ натуралистовъ могутъ заинтересоваться статьями послѣдняго рода. Съ другой стороны въ Revue находятся статьи, которыя на первый взглядъ, кажется, не подходятъ ни подъ одну изъ перечисленныхъ секцій, таковы статьи по лингвистикѣ, по географіи востока, статьи объ открытіяхъ въ Ассиро-Вавилоніи, Египтѣ, Мексикѣ и т. д. Появленіе ихъ объясняется такимъ образомъ. Въ настоящее время антропологія—наука совершенно естественная—стала въ тѣсную связь съ лингвистикой и даже съ открытіями по египтологіи и ассирологіи. Всѣ эти отрасли взаимно содѣйствуютъ преуспѣянію одна другой, всѣ онѣ, между прочимъ, открытіями послѣднихъ лѣтъ показываютъ, что библейское ученіе

о первосостояніи человѣчества оказывается соотвѣтствующимъ дѣйствительности, а ученіе эволюціонное стоитъ въ противорѣчіи съ нею.

Для богослововъ, понятно, прежде всего представляютъ интересъ статьи, которыя опровергаютъ антирелигіозныя доктрины, подтверждаютъ и разъясняютъ Библейское ученіе о природѣ. Этими статьями займемся и мы, но прежде сдѣлаемъ еще нѣсколько общихъ замѣчаній о журналѣ. Каждая книжка журнала подраздѣляется на 3 отдѣла: въ первомъ помѣщаются статьи и изслѣдованія по различнымъ вопросамъ, во второмъ—библіографическія статьи о новыхъ выходящихъ сочиненіяхъ, наконецъ, въ третьемъ помѣщаются научные бюллетени объ открытіяхъ въ тѣхъ отрасляхъ знанія, которымъ служитъ брюссельское общество.

Первый отдѣлъ въ журналѣ, понятно, самый важный. Статьи его отличаются большимъ разнообразіемъ, въ немъ нѣтъ узкой спеціализаціи, онъ даетъ возможность каждому натуралисту обозрѣвать—хотя, правда кратко—все важнѣйшее, что дѣлается въ областяхъ знанія сосѣднихъ съ его собственной. Ботаникъ въ краткомъ обзорѣ можетъ прослѣдить и успѣхи зоологіи и минералогіи, химіи, физики, астрономіи, механики, наконецъ, геологіи и антропологіи. Статьи пишутся въ Revue не популярнымъ языкомъ, ибо предназначаются для лицъ съ спеціальной подготовкой, но онѣ чужды и чрезмѣрнаго удаленія отъ популярнаго изложенія. Это особенно должно сказать о статьяхъ по астрономіи, въ которыхъ формулы дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій, могущія оказаться непонятными и для натуралистовъ, авторы выводятъ или въ примѣчанія или ставятъ такъ, что опущеніе ихъ при чтеніи не можетъ нарушить пониманія читаемаго. Точно также въ статьяхъ по антропологіи авторы не предъявляютъ къ своимъ читателямъ неумѣренныхъ требованій, чтобы они знали о всѣхъ открытіяхъ прошедшаго и полно представляли себѣ содержаніе наукн; нѣтъ, авторы скромно упоминаютъ въ началѣ своихъ статей о тѣхъ положеніяхъ, знаніе которыхъ необходимо для пониманія послѣднихъ. Возникнувшій по побужденіямъ чисто апологетическимъ, журналъ повидимому мало заботится о служеніи своей цѣли, онъ отводитъ большую часть мѣста чисто научнымъ вопросамъ, изрѣдка лишь касаясь вопро-

совъ апологетики. Въ послѣдніе годы онъ какъ будто совсѣмъ отодвинулъ ихъ въ сторону. Повидимому это представляется уклоненіемъ отъ намѣченной цѣли, на самомъ дѣлѣ это весьма полезно для нея, что указали сами учредители общества, когда, опредѣляя задачи и цѣли устрояемаго общества, высказали, что своими научными заслугами члены должны показать, что можно быть глубоко вѣрующимъ и въ то же время истиннымъ и плодотворнымъ ученымъ. Авторитетъ ученаго, обогатившаго науку открытіями и возставшаго противъ тѣхъ гипотезъ въ наукѣ, которыя стоятъ въ противорѣчіи съ ученіемъ Откровенія, авторитетъ такого ученаго будетъ гораздо выше, чѣмъ слово апологета, только критикующаго и разрушающаго научныя гипотезы, но ничего не приносящаго въ науку. Еслибы Revue des Questions scientifiques представлялъ собою только разрушительное орудіе по отношенію къ естественнонаучнымъ антирелигіознымъ теоріямъ, то тогда ученые, враждебные религіи, могли бы спокойно не касаться его, но теперь они должны по необходимости обращаться къ нему содержащему столь много цѣнныхъ сообщеній по научнымъ вопросамъ, при этомъ они необходимо должны прочитывать и замѣчанія о преждевременности и неосновательности обобщеній, внесенныхъ ими въ науку.

Второй отдѣлъ журнала, какъ мы сказали, библіографическій. Revue обыкновенно даетъ подробный анализъ разбираемой книги. Авторъ анализа, всегда спеціалистъ, излагая содержаніе, дѣлаетъ критическія примѣчанія къ тѣмъ отдѣламъ, съ которыми онъ несогласенъ и дѣлаетъ ссылки на сочиненія и открытія, оправдывающія его несогласія и доказывающія несостоятельность утвержденій разбираемой книги. Все это дѣлается кратко, сжато и обстоятельно. Для примѣра можно указать на разборъ, сдѣланный Арсленомъ книги Мортилье „О древности человѣка“ [1]). Вся статья менѣе 10 страницъ, но читатель на основаніи ея составитъ себѣ полное и отчетливое представленіе о книгѣ Мортилье— книгѣ, представляющей собою вѣнецъ работъ Мортилье— и мало этого, онъ узнаетъ много доводовъ, во имя которыхъ нельзя соглашаться съ основными положеніями и съ теоріями,

[1]) Sur l'antiquité de l'homme. T. 13.

защищаемыми въ этой книгѣ. Въ библіографическомъ отдѣлѣ вообще разбираются книги, посвященныя тѣмъ вопросамъ какіе разработываетъ и брюссельское общество, книги разбираются только цѣнныя и капитальныя, имѣющія научное или по крайней мѣрѣ учебное значеніе. Изъ учебниковъ, впрочемъ, разбираются лишь тѣ, которые написаны извѣстными учеными и содержатъ въ себѣ много самостоятельнаго, представляя собою résumé или конспектъ взглядовъ автора (наприм., курсъ геологіи Лаппарана). Если позволительно еще предъявлять какія-нибудь требованія къ библіографическому отдѣлу Revue, то кажется слѣдующія. Во 1) желателенъ былъ бы разборъ большаго числа произведеній, чѣмъ сколько разбирается въ Revue. О многихъ довольно капитальныхъ сочиненіяхъ въ духѣ Revue журналъ не дѣлаетъ отзывовъ, такъ, въ журналѣ не помѣщено отзыва о книгѣ Цокклера „о первосостояніи человѣчества“ (Die Lehre vom Urstand des Menschen 1879), въ которой выясняется библейское ученіе о первобытномъ человѣчествѣ и опровергаются антирелигіозныя антропологическія возрѣнія. Опущеніе разбора такой книги и упоминанія о ней представляется тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что въ самомъ же „Revue“ одинъ изъ сотрудниковъ Жанъ д'Этьенъ полемизировалъ противъ взгляда Ленормана на потомковъ Адама, какъ на людей, стоявшихъ на крайней степени дикости (L'humanité primitive T. 1-2). Возраженія Жана д'Этьенъ были бы гораздо убѣдительнѣе, еслибы онъ воспользовался книгою Цокклера. Можно указать и еще подобные примѣры опущенія. Такъ въ 1887 г. въ Англіи вышла книга М. Мюллера „Наука о мысли“, (The science of Thought), въ которой знаменитый филологъ, руководясь данными лингвистики, доказываетъ, что развитіе мышленія въ человѣкѣ и человѣчествѣ шло бы инымъ путемъ, чѣмъ тотъ, которымъ оно идетъ, еслибы человѣкъ произошелъ отъ животныхъ предковъ, а не былъ непосредственно созданъ Богомъ. Въ журналѣ съ направленіемъ Revue, отводившемъ притомъ, особенно въ восмидесятыхъ годахъ, довольно много мѣста лингвистикѣ, было бы весьма умѣстнымъ появленіе отзыва объ этомъ трудѣ, но мы тщетно ждали его тамъ. Во 2) было бы желательно, чтобы разборы выходящихъ сочиненій появлялись болѣе своевременно. Разборы здѣсь являются довольно поздно: нѣкоторыя иностранныя

сочиненія (нѣмецкія, итальянскія, англійскія, наприм. М. Мюллера о прародинѣ арійцевъ) разбираются черезъ годы послѣ выхода. Но понятно, что составленіе хорошаго разбора иногда не можетъ быть сдѣлано скоро, и во всякомъ случаѣ должно признать, что лучше сдѣлать разборъ позднѣе, но лучше, чѣмъ раньше, но хуже.

Третій отдѣлъ часто содержитъ цѣнныя сообщенія для апологетики, хотя посвященъ исключительно научнымъ вопросамъ. Таковы, напримѣръ, сообщенія объ открытіяхъ въ антропологіи, свидѣтельствующихъ, что первобытные люди по своей физической организаціи приближались къ обезьянамъ не болѣе, чѣмъ современные (La plathyknemie de l'homme et des Singes), что попытки приписать глубокую древность нѣкоторымъ человѣческимъ останкамъ неосновательны (Le chronométre préhistorique du bassin de Penhouet, à Saint-Nazaire. Т. 3) и др. объ этомъ отдѣлѣ журнала должно замѣтить, что въ первые годы онъ являлся довольно тощимъ, но теперь разросся сравнительно до значительныхъ размѣровъ.

Мы сказали выше, что мы будемъ говорить только о тѣхъ статьяхъ, вопросы, изслѣдуемые которыми, соприкасаются съ вопросами религіи, но должно оговориться, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно трудно разграничить статьи такого рода и статьи чисто научныя. Положимъ въ статьѣ идетъ рѣчь объ эмбріологіи лемуровъ. Лемуры—это полуобезьяны, лазающія животныя стараго свѣта, имѣющія зубы, какъ у насѣкомоядныхъ (наприм., у ежа) сосцы на груди и брюхѣ. Въ статьѣ изслѣдуется вопросъ о томъ, какъ развиваются въ материнскомъ чревѣ зародыши этихъ животныхъ. Повидимому, какое до всего этого дѣло апологету? Въ дѣйствительности оказывается, что это изслѣдованіе можетъ имѣть для него значеніе. По мнѣнію Дарвина и Геккеля лемуры—наши, правда довольно отдаленные предки. По мнѣнію тѣхъ же учебныхъ развитіе человѣческаго зародыша должно прежде всего проходить тѣ формы, какія проходятъ зародыши человѣческихъ предковъ. Но по изслѣдованію оказывается, что развитіе человѣческаго зародыша и развитіе зародыша лемуровъ совершаются различными путями; что въ человѣческомъ организмѣ образуется прежде, то у лемуровъ послѣ и наоборотъ, что строеніе дѣтскаго мѣста (плаценты) у лемуровъ и человѣка совершенно различны (Дарвинъ и Гек-

кель a priori предположили ихъ тожественность, что требовалось для ихъ теоріи. (La généalogie de l'homme d'apres M. Haeckel et le placenta des Lémuriens T. 3). Все это, очевидно, подрываетъ довѣріе къ родословной, которою британскій и нѣмецкій ученые хотѣли замѣнить родословную человѣка, предложенную въ Библіи.

Подобнымъ образомъ встрѣчается статья о сохраненіи энергіи La conservation de l'énergie solaire. T. 17). Представляетъ ли собою эта статья интересъ только для физика или и для апологета? Да, и для апологета. По мнѣнію однихъ физиковъ, въ природѣ происходитъ только преобразованіе силъ, переходъ изъ одного состоянія въ другое, заканчивающійся возвращеніемъ къ первичному исходному состоянію. Міры возникаютъ, разрушаются и снова возникаютъ. По мнѣнію другихъ міръ устроенъ такъ, что и энергія въ немъ распредѣлена неизмѣннымъ образомъ: солнечная система не сдѣлается ни болѣе теплою, ни болѣе холодною, чѣмъ теперь. По мнѣнію третьихъ, подтверждаемому вѣскими доводами, жизнь во вселенной и всякія измѣненія должны окончиться въ будущемъ вслѣдствіе имѣющаго произойти равномѣрнаго распредѣленія теплоты и движенія. Разсматривая эту послѣднюю теорію, мы видимъ, что если ею предполагается окончаніе вселенной, то значитъ предполагается и ея начало. А предполагать для вселенной начало значитъ предполагать ея сотвореніе. Такъ встрѣчаемся мы съ новымъ своеобразнымъ доказательствомъ бытія Божія.

Къ подобному же роду принадлежитъ статья о приложеніи математическаго анализа къ естественнымъ наукамъ (L'application d'analyse... T. 22), въ которой, между прочимъ, изслѣдуется вопросъ о приложеніи анализа къ психологіи, гдѣ мы встрѣчаемъ доказательство несостоятельности теоремы Фехнера, что ощущеніе есть логариѳмъ раздраженія, доказательство несостоятельности многихъ выводовъ полученныхъ чрезъ механическіе и физіологическіе пріемы изслѣдованія въ психологіи и т. д. Много можно привести и другихъ примѣровъ того, что названіе статей не содержитъ никакого намека на связь ихъ съ вопросами религіи, и однако ихъ содержаніе касается такихъ вопросовъ. За всѣмъ тѣмъ большинство статей Revue не имѣетъ отношенія къ религіи и достаточно взглянуть на заглавіе многихъ изъ нихъ, что-

бы убѣдиться въ этомъ, наприм.: объ ассенизаціи городовъ, объ укрощеніи волнъ въ океанѣ и моряхъ при помощи масла, объ успѣхахъ фортификаціи, о предположеніи существованія спутника у планеты Венеры, о динамоэлектрическихъ машинахъ и т. д.

Но обратимся къ статьямъ апологетическимъ. Revue возникъ для борьбы съ матеріалистическимъ міровоззрѣніемъ, отрицающимъ телеологію и сотвореніе человѣка Богомъ. По отношенію къ телеологіи Revue въ своихъ статьяхъ показываетъ, 1) что въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ въ настоящее время эволюціонное ученіе, отрицающее телеологію, оно на основаніи научныхъ данныхъ должно быть признано несостоятельнымъ, 2) что если по внесеніи нѣкоторыхъ измѣненій и исправленій въ эволюціонную теорію, она и можетъ быть допущена, какъ правдоподобная, то въ правдоподобномъ видѣ она вовсе не стоитъ въ противорѣчіи съ телеологіей. Въ статьѣ „палеонтологія и дарвинизмъ“ показывается, что данныя палеонтологіи вовсе не подтверждаютъ собственно дарвиновской теоріи, что они показываютъ, что въ древнѣйшихъ отложеніяхъ находятся наименѣе развитые типы животныхъ, а въ новѣйшихъ наиболѣе развитые, но эти переходы отъ менѣе къ болѣе совершенному, видно, происходили въ природѣ нѣкоторыми скачками, а не съ строгою постепенностію, какъ это предполагаетъ строгій дарвинизмъ. Находя много представителей того или другаго родственныхъ видовъ, палеонтологи не находятъ связующихъ звеньевъ между этими представителями. Объяснять это ненахожденіе недостаточностію изслѣдованій не дозволяетъ теорія вѣроятностей. Представимъ себѣ ящикъ, наполненный милліономъ шаровъ, изъ которыхъ 10 совершенно бѣлыхъ и 10 совершенно черныхъ, остальные представляютъ комбинацію этихъ двухъ цвѣтовъ, т. е. являются переходными отъ бѣлаго къ черному. Какая можетъ быть вѣроятность при вынутіи пятнадцати шаровъ вынуть исключительно бѣлые и черные и никакихъ другихъ? Вѣроятность эта равна безконечно малой величинѣ, приближающейся къ нулю, однако палеонтологи вытаскиваютъ намъ только бѣлые и черные шары (различные виды, а не связующія звенья). Это можно объяснить только тѣмъ, что посредствующихъ звеньевъ никогда не существовало и въ приро-

дѣ [1]). Въ другой статьѣ „паразитизмъ и трансформизмъ“ [2]), изслѣдующей, то явленіе въ природѣ, которое можно назвать „загребаніе жара чужими руками“, показывается, что стремленіе къ приспособленію можетъ вести вовсе не къ усовершенствованію, а къ деградаціи, что наиболѣе устойчивыми и приспособленными къ средѣ являются не высшіе организмы, а паразиты. Наконецъ, въ третьей (библіографической) статьѣ, представляющей собою разборъ сочиненія Гартмана „Истинное и ложное въ дарвинизмѣ“ [3]) показывается, что насколько дарвинизмъ противорѣчитъ телеологіи, настолько онъ несомнѣнно несостоятеленъ, и что, въ чемъ онъ можетъ оказаться истиннымъ, въ томъ онъ стоитъ въ полномъ согласіи съ телеологическимъ ученіемъ.

Кромѣ указанныхъ статей, на содержаніе которыхъ мы только намекнули, въ Revue помѣщены и многія иныя по отдѣльнымъ вопросамъ зоологіи и ботаники, равно и научные бюллетени (наприм. о пинеальномъ глазѣ), подрывающіе дарвиновскую теорію. Но вообще разбору эволюціонной теоріи происхожденія животнаго міра Revue отводитъ мало мѣста, за то журналъ отводитъ очень много мѣста вопросу о человѣкѣ.

Вопросъ о происхожденіи человѣка, безъ сомнѣнія, является центральнымъ пунктомъ для столкновенія вѣры съ невѣріемъ. Еслибы кто-нибудь обратился къ Revue съ надеждой найти изслѣдованія или статьи, прямо посвященныя опроверженію доктрины Дарвина, то онъ, листуя журналъ, принужденъ бы былъ испытать разочарованіе: такихъ изслѣдованій и такихъ статей онъ бы не нашелъ. Однако, скажемъ мы, едва ли гдѣ можно найти большее количество данныхъ и при томъ данныхъ лучшаго качества для опроверженія этой теоріи, чѣмъ въ этомъ журналѣ. Опроверженію этой теоріи журналъ отводитъ очень много мѣста и ведетъ полемику съ замѣчательными тактомъ и силою, онъ не ставитъ надъ своими статьями рекламообразныхъ заглавій, подобныхъ тѣмъ, которыя мы видимъ надъ нѣкоторыми сочиненіями: „Полное опроверженіе дарвинизма“, „Атеизмъ, опро-

---

[1]) La paléontologie et le darvinisme. T. 1.

[2]) Parasitisme et transformisme. T. 10.

[3]) Le darvinisme, ce qu'il a de vrai et de faux dans cette théorie. T. 2.

вергнутый наукою“ и т. д., нѣтъ, подъ скромными заглавіями; „Законъ природы и коралловые острова“, „Гротъ Биш-о-рошъ“ и др., онъ выдвигаетъ могучіе аргументы противъ эволюціонной теоріи происхожденія человѣка. Давши въ нѣсколькихъ статьяхъ разъясненіе различія человѣка и животныхъ съ психической стороны и человѣка и человѣкообразныхъ обезьянъ съ физической (La différence essentielle entre l'homme et les animaux. T. 7. La place de l'homme dans la création. T. 4), журналъ переноситъ вопросъ на палеонтологическую почву, констатировавъ отсутствіе въ прошедшемъ связующихъ звеньевъ между человѣкомъ и обезьяной, онъ рядомъ открытій (въ Ментонѣ, въ гротѣ Биш-о-рошъ, въ Мустье) показываетъ, что древнѣйшіе ископаемые люди съ психической стороны стоятъ не ниже, а выше современныхъ дикарей, что человѣкъ, насколько онъ извѣстенъ, всегда былъ человѣкомъ, имѣлъ религію, эстетическія наклонности и т. д. Все это утверждается не голословно, а доказывается фактами—археологическими и палеонтологическими находками, собственно въ большинствѣ случаевъ это даже не утверждается, а приводятся сообщенія объ открытіяхъ, изъ каковыхъ сообщеній съ необходимостію слѣдуетъ, что тѣ или иные аргументы въ пользу животнаго происхожденія человѣка должно признать потерявшими значеніе. Съ другой стороны, относительно дикарей, на которыхъ эволюціонисты ссылаются, какъ на представляющихъ собою образецъ первобытныхъ людей, въ Revue устанавливается взглядъ, что на самомъ дѣлѣ многіе дикари находятся въ настоящее время на гораздо низшей степени духовнаго развитія, чѣмъ то, на которой стояли ихъ предки (L'humanité primitive... T. 12 L'état de nature... T. 2). Отсюда само собой слѣдуетъ, что судить по нимъ о первобытномъ человѣкѣ, первобытной религіи и т. д. нѣтъ основаній. Далѣе въ Revue постоянно сообщаются свѣдѣнія объ открытіяхъ въ области палеонтологіи, проливающихъ свѣтъ на истинное значеніе эволюціонной теоріи происхожденія человѣка. Тщательное изслѣдованіе этихъ открытій всегда оказывается враждебнымъ эволюціонной доктринѣ, а иногда дѣло доходитъ даже до смѣшнаго. Такъ, въ ряду немногочисленныхъ остатковъ костей человѣка, которыя, по утвержденію эволюціонистовъ, будто бы показываютъ, что въ прошедшемъ люди стояли ближе къ

животнымъ по своей организаціи, чѣмъ теперь, указывали, между прочимъ, нолетскую челюсть. Челюсть эта лишена apophyses geni (нѣкотораго выступа, къ которому прикрѣпляются мускулы языка). Изъ этой особенности ея дѣлали заключеніе, что ея обладатель, какъ и всѣ его современники были лишены органа и способности рѣчи. Воображенію рисовался „безсловесный человѣкъ“ Геккеля. Нечего, конечно, говорить о поспѣшности обобщенія изъ единичнаго факта, на которую законно указывали эволюціонистамъ, увы случилось нѣчто горшее: втеченіе болѣе 20 лѣтъ эволюціонисты ссылались на челюсть, какъ на одно изъ важныхъ доказательствъ въ пользу ихъ теоріи, но вотъ, одному пришла въ голову счастливая мысль промыть ее и по промытіи оказалось, что apophises geni существуетъ у ней, какъ и въ другихъ костяхъ, но только былъ замаранъ грязью (La machoire de la Noulette. T. 21). Многія и иныя доказательства эволюціонистовъ постигла подобная же участь, о чемъ въ Revue и даются подробныя сообщенія.

Обличая несостоятельность антирелигіозныхъ естественно-научныхъ воззрѣній, Revue отводитъ мѣсто и для апологетики библейскаго ученія о природѣ, для доказательства того, что библейское ученіе и естественно-научныя открытія находятся не въ противорѣчіи между собою, а въ гармоніи. Не всегда легко показать это. Умъ человѣка слишкомъ ограниченъ и при изслѣдованіи и изученіи явленій природы онъ легко можетъ увидѣть себя принужденнымъ склониться къ мнѣнію, повидимому, стоящему въ противорѣчіи съ Библіей, и вслѣдствіе этого можетъ увидѣть себя принужденнымъ отрицать божественный авторитетъ послѣдней. Впослѣдствіи обыкновенно оказывается, что или мнѣніе принятое за истину на самомъ дѣлѣ было ложью, или что противорѣчіе между сдѣланнымъ открытіемъ и Библіею было мнимымъ. Предостерегая отъ увлеченія модными теоріями и отъ искаженія въ пользу ихъ смысла библейскаго текста, Revue предлагаетъ слѣдовать такому правилу: когда какое-нибудь положеніе науки пріобрѣтаетъ характеръ истины и въ тоже время является стоящимъ въ несогласіи съ откровеніемъ, то не должно оспаривать ни научной, ни откровенной истины, должно ждать открытія третьей истины, сокрытой у Бога, которая бы примирила между собою двѣ

первыя [1]). Впрочемъ, судя по статьямъ журнала, можно думать, что такія третьи истины вездѣ открыты, что однако представляется въ нѣкоторыхъ случаяхъ спорнымъ, а въ нѣкоторыхъ даже прямо неправильнымъ.

Первое, что возвѣщается намъ въ Библіи есть то, что міръ сотворенъ Богомъ изъ ничего, что міръ не самобытенъ. Въ Revue приводится математическое доказательство творенія Богомъ міра, доказательство это представлено Карбонеллемъ. Карбонелль анализируетъ понятіе безконечнаго числа (∞). По мнѣнію нѣкоторыхъ, выраженіе „безконечное число“ представляетъ собою противорѣчіе; по мнѣнію другихъ, нужно различать безконечное въ возможности, которое будто бы допустимо, и дѣйствительно безконечное, котораго существовать не можетъ. Карбонелль даетъ такое опредѣленіе: число безконечное не есть нелѣпость, но оно есть нѣчто неопредѣленное. Представимъ себѣ, говоритъ онъ, бѣлый шаръ; сколько такихъ шаровъ возможно сдѣлать еще? Безконечное число. Положимъ, что разность двухъ количествъ $(x—y)=a$; спрашивается, сколько рѣшеній имѣетъ такое уравненіе? Единственный отвѣтъ: безконечное число. Но не будучи абсурдомъ, безконечное число не можетъ быть и опредѣленнымъ. Въ приведенныхъ примѣрахъ имъ обозначалось неопредѣленное множество, не трудно доказать, что представленіе его опредѣленнымъ ведетъ къ нелѣпымъ выводамъ. Представимъ себѣ два безконечные ряда чиселъ

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10...
1. 4. 9. 16. 25. 36. 49. 64. 81. 100...

Второй рядъ состоитъ изъ квадратовъ чиселъ перваго ряда. Спрашивается, при продолженіи до безконечности какой рядъ будетъ больше: первый или второй? Принимая во вниманіе, что при продолженіи до безконечности въ первомъ ряду будутъ заключаться всѣ возможныя цѣлыя числа, а во второмъ не будетъ: 2, 3, 5... и множества иныхъ, должно бы сказать, что второй рядъ будетъ меньше перваго, но мы видимъ, что такое заключеніе было бы нелѣпо. Источникъ этой нелѣпости, по Карбонеллю, нужно видѣть въ томъ, что мы въ данномъ случаѣ пытаемся усвоить безконечности зна-

[1]) P. 353. T. 12.

ченіе опредѣленнаго числа, сравниваемъ числа, помноженныя на безконечность, но такъ какъ на самомъ дѣлѣ безконечность имѣетъ неопредѣленное значеніе, то понятно, что помноживъ опредѣленное на неопредѣленное и, пытаясь сравнивать полученныя произведенія, мы приходимъ къ нелѣпымъ выводамъ. Знаменитая космологическая антиномія Канта: міръ не имѣетъ предѣла, онъ безконеченъ въ пространствѣ и времени, построена и имѣетъ источникомъ своимъ тотъ софизмъ, что безконечное число есть число опредѣленное. По разоблаченіи этого софизма антиномія теряетъ свою силу и значеніе. Установивъ, что безконечное есть нѣчто неопредѣленное, и что не можетъ существовать неопредѣленнаго числа міровъ, Карбонелль приходитъ къ заключенію о конечности міра въ пространствѣ. Далѣе, исходя изъ того же, онъ приходитъ къ заключенію о конечности его во времени. Всякое прошедшее событіе, всякое матеріальное явленіе можетъ или могло быть только подъ условіемъ, что оно произошло въ опредѣленный моментъ въ прошедшемъ. Сказать, что оно произошло въ неопредѣленное время, значитъ сказать, что его никогда не было. Отсюда слѣдуетъ, что никакое явленіе въ мірѣ матеріальномъ не можетъ быть отдѣлено отъ настоящаго опредѣленнаго момента безконечнымъ временемъ, значитъ міръ конеченъ во времени. А если міръ конеченъ по времени и пространству, то значитъ онъ сотворенъ Богомъ [1]).

Откровеніе даетъ намъ исторію творенія, наука тоже старается начертить исторію образованія міра. Соглашенію естественнонаучныхъ теорій съ библейскимъ повѣствованіемъ о твореніи посвящено въ Revue изслѣдованіе Жана д'Этьенъ: „Какъ образовалась вселенная?“ [2]). Изслѣдованію предпослано введеніе, въ которомъ авторъ сообщаетъ кратко о нѣкоторыхъ попыткахъ согласить Откровеніе съ наукою. Затѣмъ, въ первой части онъ опровергаетъ неправильное пониманіе первой главы Бытія, именно пониманіе предполагающее, что книгою Бытія утверждается неподвижность земли и движеніе солнца, предполагается существованіе твердаго небеснаго свода и сотвореніе міра въ 6 дней, по 24 часа

---

[1]) Carbonelle, L'infini dans l'espace et dans le temps. T. 3.

[2]) Jean d'Estienne. Comment s'est formé l'Univers. TT. 1 et 2.

въ каждомъ. Жанъ д'Этьенъ пытается доказать, что ни того, ни другого, ни третьяго въ Библіи не предполагается, онъ даетъ анализъ священнаго текста и затѣмъ во второй части изслѣдованія пытается согласить повѣствованіе Моисея съ гипотезою Лапласа и съ ученіемъ геологіи. Выраженіе: „вначалѣ Богъ сотворилъ небо и землю“ Жанъ д'Этьенъ толкуетъ въ томъ смыслѣ, что вначалѣ Богъ сотворилъ эонръ, принципъ сущности неба и земли, вообще сотворилъ бытіе, но это было бытіе безъ дѣйствованія, почему оно и пребывало въ абсолютномъ мракѣ. Но вотъ, Богъ привелъ силы сотворенныя имъ въ дѣйствіе (и Духъ Божій носился надъ водами). Возникло движеніе, которое постепенно преобразовалось въ теплоту, теплота развивала и развила свѣтъ, вся вселенная представляла собою одно свѣтящееся цѣлое, свѣтящуюся туманность. Этотъ переходъ отъ абсолютнаго мрака въ полнотѣ свѣта происходилъ втеченіе милліоновъ вѣковъ, и обозначенъ бытописателемъ, какъ совершившійся въ 1 день (въ первый неопредѣленно долгій періодъ времени). Второй день (т.-е. опять непредѣленно долгій періодъ времени) обнимаетъ собою, по Жану д'Этьенъ, періодъ отдѣленія и обособленія земли отъ блестящей туманности, потерю землею свѣта, образованіе на ней атмосферы, морей и суши и возникновеніе жизни въ водныхъ вмѣстилищахъ земли. Представляющіяся два возраженія 1) что въ Библіи о второмъ днѣ говорится, что Богъ создалъ во время его твердь, а вовсе не обособилъ землю, и 2) что сотвореніе растеній пріурочивается въ Библіи къ третьему дню, а животныхъ къ пятому, Жанъ д'Этьенъ устраняетъ такимъ образомъ. Подъ твердію (râkia) нужно разумѣть, говоритъ онъ, не небо, а пространство, и поэтому на латинскій языкъ онъ переводитъ râkia не словомъ „firmamentum“, а словомъ expansio. Раздѣленіе водъ и устроеніе тверди поэтому и должно понимать въ смыслѣ обособленія міровъ, соединенныхъ прежде въ одно цѣлое. Что касается до того, что появленіе жизни на землѣ пріурочивается не ко второму, а къ слѣдующимъ днямъ, то Жанъ д'Этьенъ говоритъ, что Моисей въ своемъ повѣствованіи о сотвореніи растеній и животныхъ говоритъ только о флорѣ и фаунѣ наземныхъ, но не касается флоры и фауны подводныхъ, между тѣмъ какъ первобытныя флора и фауна были исключительно подводными. Такимъ образомъ, второй

день творенія обнимаетъ, по его представленію, такъ-называемый въ геологіи первичный періодъ (заключающій въ себѣ лаврентійскую, гудзоновскую и силлурійскую эпохи, представляющій самыя глубокія первобытныя отложенія земли: не кристаллическія скалы, скалы кристаллическія и метаморфныя, первобытные граниты и гнейсы). Третій день (періодъ) характеризуется появленіемъ наземной флоры, онъ соотвѣтствуетъ въ геологіи эпохамъ девонской и каменноугольной. Изслѣдованіе растеній этихъ эпохъ показываетъ, что земля была тогда въ совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ теперь, именно атмосфера ея была тогда чрезвычайно насыщена углекислотою, затѣмъ, на землѣ тогда не было различія климатовъ и временъ года. Первое доказывается обиліемъ углерода въ растеніяхъ этихъ эпохъ, второе—тѣмъ, что растенія однихъ и тѣхъ же видовъ были распространены тогда по всей землѣ (встрѣчаются и у Шпицбергена и у полюсовъ), и что при перерѣзываніи этихъ растеній въ стволахъ не оказывается тѣхъ концентрическихъ круговъ, по которымъ въ настоящее время мы узнаемъ возрастъ растеній, и существованіе которыхъ обусловлено различіемъ временъ года. Это показываетъ, что тогда были иныя астрономическія условія, чѣмъ теперь. Солнце собственно существовало тогда, но лучи его проходили на землю при иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ настоящее время (проходили сквозь обильные водяные пары и углекислоту), и оно стояло къ землѣ въ иныхъ отношеніяхъ, чѣмъ теперь, но въ четвертый день (періодъ) установились тѣ астрономическія отношенія, которыя существуютъ въ настоящее время. Пятый день соотвѣтствуетъ палезоическому періоду, т.-е. совокупности тѣхъ геологическихъ эпохъ, втеченіе которыхъ образовались и развились земноводныя, пресмыкающіяся и летающія. По Ж. д'Этьену, въ Библіи въ повѣствованіи о пятомъ днѣ творенія не говорится ни о рыбахъ, ни о птицахъ. Еврейское слово „Норh“, переводившееся—„птицы“, по его утвержденію, значитъ собственно: летающія (въ палезоическій періодъ существовали, напр. птеродактилы—животныя, которыя летали, но которыхъ по другимъ признакамъ можно отнести скорѣе къ пресмыкающимся, чѣмъ къ птицамъ). Равнымъ образомъ то выраженіе, которое въ нашей славянской Библіи обозначается словами „киты великіе“ въ еврейскомъ языкѣ, по Ж. д'Эть-

ену, собственно значитъ морскія чудовища, имѣющія дыханіе жизни, т.-е. дышащія при помощи легкихъ. Въ третьей части изслѣдованія Ж. д'Этьенъ говоритъ о шестомъ днѣ. Этотъ день (періодъ) соотвѣтствуетъ, по его мнѣнію, третичному и четвертичному періодамъ въ геологіи, обнимая собою время отъ появленія млекопитающихъ до сотворенія человѣка, каковое сотвореніе было послѣднимъ актомъ въ образованіи земли. При повѣствованіи о каждомъ днѣ Ж. д'Этьенъ довольно подробно характеризуетъ геологическія формаціи, образовавшіяся втеченіе его, а также фауну и флору, находимыя въ этихъ формаціяхъ.

Трактатъ Ж. д'Этьена есть единственное большое сочиненіе, изслѣдующее вопросъ объ исторіи творенія на страницахъ Revue, но кромѣ него есть нѣкоторыя статьи, тоже посвященныя (обыкновенно одной какой-либо его сторонѣ) этому вопросу. Двѣ таковыя статьи написаны Ж. д'Этьеномъ по поводу космогонической теоріи Фая. Онъ не критикуетъ съ астрономической точки зрѣнія эту гипотезу, но настаиваетъ только на неправильномъ отношеніи Фая къ Библіи, естественнонаучная сторона которой, по Фаю, полна заблужденій. Ж. д'Этьенъ опровергаетъ взглядъ Фая тѣмъ, что палеонтологическія изслѣдованія показали, что дѣйствительно развитіе земли и ея организмовъ шло послѣдовательно отъ несовершеннаго къ совершенному, т.-е. въ общемъ такъ, какъ представляетъ его и Библія. Это согласіе показаній Библіи съ новѣйшими открытіями и указываетъ, по Ж. д'Этьену, на то, что показанія Библіи не суть произведеніе человѣческое, но божественное.

Кромѣ статей Ж. д'Этьена должно отмѣтить еще двѣ статьи Фовилля (Ler jours de la semaine et les oeuvres de la création. T. II, et. Encore les jours de la création T. 15), посвященныя исторіи творенія. Фовилль разбираетъ въ этихъ статьяхъ новый взглядъ на первую главу бытія, предложенный Клитфордомъ. По мнѣнію Клитфорда, признающаго богодухновенность Библіи и вдобавокъ аббата, въ первой главѣ бытія не говорится ни о какомъ твореніи. Первая глава, по его мнѣнію, представляетъ собою литургическій гимнъ. Онъ остроумно объясняетъ ея происхожденіе, изъ каковаго объясненія вытекаетъ его взглядъ и на ея характеръ. Во время пребыванія евреевъ въ Египтѣ, говоритъ онъ, евреи

пользовались египетскимъ календаремъ, въ которомъ каждый день посвящается какому-нибудь богу. При выходѣ евреевъ изъ Египта Моисей, опасаясь, что если у евреевъ не будетъ своего календаря, и они будутъ пользоваться календаремъ египтянъ, то они будутъ почитать и боговъ египетскихъ, рѣшилъ дать имъ свой календарь. Такъ какъ евреи почитали одного Бога и никого кромѣ одного Бога, то вмѣсто посвященія каждаго дня особому Божеству Моисей рѣшилъ призвать евреевъ къ посвященію каждаго дня воспоминанію о какомъ-нибудь дѣлѣ Божіемъ, воспоминанію о томъ или иномъ изъ актовъ творенія этого міра, который весь былъ нѣкогда вызванъ изъ небытія къ бытію Богомъ, причемъ порядокъ этихъ воспоминаній могъ нисколько не соотвѣтствовать дѣйствительному порядку событій. И вотъ, для этой цѣли Моисей написалъ то, что теперь помѣщается какъ исторія творенія въ 1—2, 1—4 ст. кн. бытія. Клитфордъ доказываетъ правильность своего взгляда и особенностями языка первой главы и самымъ ея текстомъ и сличеніемъ ея съ другими частями Библіи. Фовиль оспариваетъ взглядъ Клитфорда отчасти по тѣмъ же соображеніямъ, по какимъ Ж. д'Этьенъ оспаривалъ взглядъ Фая на первую главу бытія, главнымъ образомъ на основаніи изслѣдованія толкуемаго текста.

Кромѣ отмѣченныхъ, въ Revue не было помѣщено отдѣльныхъ статей о твореніи, но было сдѣлано много библіографическихъ отзывовъ объ отдѣльныхъ изданіяхъ, примиряющихъ кн. бытія съ наукою, и о толкованіяхъ на кн. бытія. Эти отзывы знакомятъ со всѣми существующими гипотезами, примиряющими ученіе откровенія съ данными естествознанія, каковы гипотезы соглашенія, возстановленія и др.

Въ семидесятыхъ годахъ въ католическомъ мірѣ возродилась старая теорія о преадамитахъ, возродилась, впрочемъ, въ новомъ видѣ. Обстоятельства, вызвавшія ея возникновеніе, были слѣдующія. Во Франціи, Португаліи, а затѣмъ и въ Бельгіи въ древнѣйшихъ отложеніяхъ (третичныхъ) были найдены камни и другіе предметы, носящіе будто бы на себѣ слѣды руки человѣка. Но потомки Адама повидимому не могли жить въ столь глубокой древности. Вслѣдствіе этого была построена такая теорія, что еще до Адама и можетъ быть очень задолго на землѣ жили люди, но что всѣ они

затѣмъ погибли, и что все современное человѣчество произошло отъ непосредственно созданнаго Богомъ Адама. Догматы творенія, паденія и искупленія такимъ образомъ сохранялись въ ихъ неприкосновенности. Теорія эта прежде всего была развита Фальрожеромъ. Къ чести Revue нужно сказать, что въ числѣ его сотрудниковъ, нѣсколько разъ касавшихся новой теоріи (Sur la question de l'homme tertiaire. T. 2. Com. s'est formé l'univ.), теорія эта не нашла себѣ сторонниковъ. Она или рѣшительно отрицалась или о ней замѣчали, что въ ней нѣтъ нужды. Большинство ученыхъ, помѣщающихъ свои статьи въ Revue, рѣшительно оспаривали, чтобы дѣйствительно на предложенныхъ для обсужденія французскихъ, португальскихъ и бельгійскихъ камняхъ и другихъ предметахъ можно было видѣть слѣды рукъ человѣка, болѣе склонялись къ мнѣнію, что это—слѣды дѣйствія природы или хищныхъ животныхъ (вопросу этому въ Revue посвящено нѣсколько статей, наиболѣе полною и обстоятельною изъ которыхъ является статья Гамарда L'homme tertiaire T. 5).

Несмотря однако на то, что достаточныхъ основаній для признанія существованія третичнаго человѣка не имѣется, нѣкоторые и изъ сотрудниковъ Revue (Буржуа, Надайякъ) допускаютъ его существованіе, видя въ немъ только потомка Адама, а не преадамита. Они говорятъ, что въ Библіи нѣтъ хронологіи, и что древность человѣка можетъ быть простирается на 100 и болѣе тысячъ лѣтъ. Къ послѣднему мнѣнію присоединяется и большинство сотрудниковъ Revue, хотя замѣтно стремящихся сократить цифры, которыми обозначаютъ ученые древность человѣчества. Мы не можемъ указать ни одного изъ сотрудниковъ журнала, который стоялъ бы за традиціонную библейскую цифру возраста человѣчества, можемъ указать только двухъ, которые вопросъ о ней оставляютъ открытымъ—это Гамардъ и Вигуру, прочіе же прямо признаютъ ее невѣрною. Они говорятъ, что въ Библіи потомки Адама до Авраама перечисляются не подрядъ, а съ пропусками, перечисляются только знаменитые, и неизвѣстно, число опущенныхъ можетъ быть очень велико [1]). Вопросъ о хронологіи, которая построилась чрезъ сложеніе

[1]) См. напр., La chronologie des temps primitifs. T. 20.

лѣтъ, протекшихъ отъ рожденія одного патріарха до рожденія слѣдующаго съ лѣтами этого слѣдующаго до рожденія у него сына и т. д., должно признать открытымъ. Они приводятъ и основанія своего взгляда. Во 1) въ еврейскомъ текстѣ, вульгатѣ и вообще во всѣхъ спискахъ Библіи (кромѣ семидесяти) пропускъ (Каинана—послѣпотопнаго патріарха) въ перечисленіи патріарховъ уже обнаруженъ; во 2) симметрія въ цифрахъ, обозначающихъ число патріарховъ (10 до и 10 послѣ потопа), побуждаетъ склониться къ мысли объ искусственности этой цифры; въ 3) возможность пропусковъ въ родословныхъ ветхаго завѣта подтверждается аналогіей изъ родословной завѣта новаго, предлагаемой св. Матѳеемъ, который опускаетъ нѣкоторыхъ предковъ Господа, и чрезъ это въ числахъ у него тоже получается симметрія (14, 14, 14). Имѣя въ виду эти соображенія и руководясь данными палеонтологической антропологіи и доисторической археологіи, брюссельскіе ученые опредѣляютъ древность человѣка болѣе, чѣмъ въ 10 тысячелѣтій. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ они стоятъ противъ стремленій увеличивать возрастъ человѣчества, и можно указать много статей, въ которыхъ относительно тѣхъ или иныхъ человѣческихъ останковъ доказывается съ весьма большою убѣдительностію, что древность ихъ равна всего нѣсколькимъ тысячамъ лѣтъ и весьма далека отъ фантастическихъ сотенъ тысячелѣтій геологовъ.

На протяженіи между 1877—1914 г.г., т. е. на протяженіи 37 лѣтъ Revue дало множество работъ, которыя, расширяя съ одной стороны территорію научныхъ завоеваній человѣчества, съ другой устраняли матеріалистическія примѣси у научныхъ представленій. По поводу многихъ такихъ работъ писалъ я. Въ Revue Лигондэ развилъ свою теорію происхожденія міра (самая книга посвященная проблемѣ вышла независимо отъ Revue). Я писалъ объ этомъ въ трактатѣ „Гаданія ученыхъ о происхожденіи міра“. Жонгъ далъ работу о тайныхъ обществахъ на Конго. Я воспользовался сообщенными имъ фактами въ моей статьѣ „мистеріи на берегахъ Конго“. В. Грегуаръ писалъ о менделизмѣ. Я касался его работъ въ своихъ статьяхъ надъ заглавіемъ „менделизмъ“. Лаппаранъ далъ цѣлый рядъ апологетическихъ работъ, которыя вошли въ посмертное изданіе его статей

подъ заглавіемъ „минеральная философія“. Я далъ обозрѣніе работъ Лаппарана.

По бюллетенямъ Revue въ значительной мѣрѣ—не скажу: вполнѣ—можно было слѣдить за научными открытіями, устанавливающими согласіе христіанскаго міропониманія съ данными дѣйствительности.

Слѣдуетъ отмѣтить содержаніе послѣднихъ книжекъ Revue 1914 г., послѣ выхода которыхъ журналъ прекратилъ свое существованіе. Нѣмецкіе пушки, разрушая Брюссель и Лувенъ, вмѣстѣ съ тѣмъ наносили удары наукѣ, религіи и ихъ союзу. Будемъ надѣяться, что Бельгія поднимется изъ подъ развалинъ, ученое брюссельское общество снова заживетъ полною и плодотворною жизнію и Revue будетъ снова печатать поучительныя естественнонаучныя статьи въ духѣ вѣры. Но пока журналъ прервался.

Какъ будто что-то предчувствовали бельгійцы. Іезуитъ Шарль (R. P. J. Charles S. J.) въ январской книгѣ журнала помѣстилъ статью Le Compromis Austro-Hongrois и въ апрѣльской—L'Jndustrie autrichienne. Въ первой изъ этихъ статей авторъ вспоминаетъ, что бельгійцы въ XVI и XVII столѣтіяхъ были подданными габсбургской династіи, говоритъ, что въ Бельгіи забыли объ этомъ и что въ теченіе послѣднихъ болѣе чѣмъ 80 лѣтъ мира разнообразныя и многочисленныя предпріятія Бельгіи въ Аргентинѣ, Россіи, Китаѣ и на Конго заставили ее оставить Австро-Венгрію внѣ поля своей дѣятельности. Авторъ въ своихъ статьяхъ обстоятельно знакомитъ соотечественниковъ съ политическимъ, финансовымъ и экономическимъ положеніемъ двуединой имперіи, сочувственно относится къ развитію ея промышленности и явно желаетъ, чтобы и она стала полемъ бельгійской дѣятельности. Въ статьяхъ говорится, что сѣверъ Германіи — нашъ непосредственный сосѣдъ между прочимъ отвлекъ вниманіе Бельгіи отъ Австріи. Статьи написаны передъ войною. Непосредственный сосѣдъ въ связи съ своимъ дорогимъ другомъ — Австро-Венгріею отвѣтилъ тѣмъ, что обнаружилъ охоту свести къ нулю Бельгію и ея дѣятельность.

Въ раннѣйшихъ книжкахъ Revue помѣщались статьи объ укрѣпленіяхъ и крѣпостяхъ. Въ послѣднихъ нѣтъ такихъ статей. Поздно было писать объ этомъ. Только одна статья

„Баллистика охотничьяго ружья“ (La Ballistique du fusil de chasse) стоитъ въ нѣкоторой связи съ военнымъ дѣломъ.

Интереснымъ обѣщало быть недоконченное изслѣдованіе Буля—о нервномъ элементѣ въ животныхъ организмахъ (заглавіе: Elément nerveux). Статья біологическаго характера, но стоящая въ связи съ психо-физіологіею. Авторъ устанавливаетъ два положенія, что существуютъ животные организмы безъ нервовъ и что гдѣ только появляются нервы, они оказываются связанными со всѣми фукціями организма. Признавая существованіе животныхъ безъ нервной системы, авторъ однако склоненъ въ упрощенныхъ безъядерныхъ организмахъ (cytodes) Геккеля видѣть не зоологическіе факты, а просто миѳъ.

Изслѣдованіе „нервный элементъ“ принадлежитъ іезуиту—Булю точно также іезуиту—Девизэ принадлежитъ работа „партеногенезисъ“. Зоологія знаетъ факты возникновенія и развитія организмовъ безъ участія мужского элемента. Факты дѣвственнаго рожденія—партеногенезиса. Зоологія, дающая теперь широкое примѣненіе эксперименту, создала факты искусственнаго партеногенезиса. Изъ того обстоятельства, что мать можетъ рождать безъ участія отца, нѣкоторые и особенно Лебъ склоненъ дѣлать выводъ, что жизнь и вообще можетъ возникнуть безъ участія жизни, т. е. ее могутъ произвести механическіе факторы. Девизэ учитъ, что факты искусственнаго партеногенезиса на самомъ дѣлѣ не даютъ опоры ни для механическихъ, ни для виталистическихъ воззрѣній. Въ партеногенезисѣ во всякомъ случаѣ мы имѣемъ происхожденіе жизни отъ жизни. Въ материнскомъ организмѣ яйцо, заключающее въ себѣ возможность новой жизни, развивается до нѣкоторой стадіи безъ внѣшняго воздѣйствія. Затѣмъ, это развитіе останавливается, и при отсутствіи внѣшняго (отеческаго) воздѣйствія яйцо погибаетъ. Но иногда бываетъ достаточно искусственнаго механическаго воздѣйствія, чтобы яйцо продолжило развитіе, и изъ него возникъ организмъ. Такіе организмы однако оказываются ненормальными, уродливыми, скоро погибаютъ; нѣсколько формъ было доведено до состоянія зрѣлости, но затѣмъ они также погибли. Вообще внѣшнее воздѣйствіе на материнское яйцо сводится къ двумъ фактамъ: 1) механическому толчку и 2) передачѣ отеческихъ свойствъ но-

вому организму. Тамъ, гдѣ нѣтъ необходимости во второмъ, можетъ имѣть мѣсто естественный или искусственный партеногенезисъ. Тамъ, гдѣ необходимо второе, партеногенезисъ не имѣетъ мѣста.

На біологическомъ экспериментѣ основана также работа ботаника Виктора Грегуара — „Измѣнчивость растеній и искусственный подборъ". Грегуаръ — менделистъ, подбору онъ указываетъ ограниченное мѣсто и усвояетъ ему значеніе совершенно не похожее на то, которое придавалъ ему Дарвинъ. По Дарвину подборъ создалъ весь органическій міръ. Грегуаръ принимаетъ, что въ природѣ существуютъ скрещиваніе — оплодотвореніе одного вида другимъ и мутаціи—появленіе въ растеніяхъ значительныхъ измѣненій безъ какихъ-либо видимыхъ воздѣйствій. Подборъ можетъ лишь утилизировать явленія мутаціи и факты скрещиванія. Если подборъ имѣетъ дѣло съ расами чистыми, гдѣ не было скрещиванія и гдѣ не обнуруживается тенденція къ мутаціямъ, попытки путемъ подбора создавать новыя породы и разновидности будутъ безрезультатными.

Revue въ 1877 г. дебютировало трактатомъ Жана д'Этьена „Какъ образовалась вселенная?" Въ 1914 г. передъ своимъ прекращеніемъ журналъ снова возвращается къ этому вопросу. Викомтъ Робертъ д'Адемаръ даетъ анализъ книги Пуанкаре о космогоническихъ гипотезахъ. Пуанкаре умеръ и статья Адемара написана раньше, чѣмъ Германія обрушилась на Бельгію и Францію, но любопытно, что при обозрѣніи космогоническихъ гипотезъ упоминается имя одного только нѣмца и теорія его трактуется крайне пренебрежительно. Нѣмецъ этотъ — Кантъ. Кантъ представляетъ себѣ хаосъ находящимся въ абсолютномъ покоѣ. Существованіе такого хаоса не можетъ допустить механика. Кометы по Канту должны вращаться въ направленіи планетъ. Въ его время уже было извѣстно, что это невѣрно. Какъ наиболѣе цѣнная, разсматривается теорія Лапласа съ дополненіями и поправками Роша. Затѣмъ излагаются гипотезы Фая, виконта Лигондэ, Си, Джорджа Дарвина, Арреніуса и Бело. О всѣхъ этихъ гипотезахъ мнѣ приходилось говорить на страницахъ „Богословскаго Вѣстника". На очереди дня стоитъ гипотеза Бело. Она развита авторомъ на страницахъ Брюссельскаго журнала Ciel et Terre.

Не считая вопросъ о происхожденіи міра рѣшеннымъ, Адемаръ гипотезы объ этомъ происхожденіи считаетъ цѣнными и самую ихъ взаимную борьбу разсматриваетъ, какъ плодотворную. Свою статью онъ заканчиваетъ словами Августина: in dubiis libertas, in omnibus caritas—въ сомнительномъ свобода, во всемъ—любовь. Но съ тѣхъ поръ какъ Адемаръ закончилъ свою работу этими словами, Бельгія лишилась свободы и испытываетъ на себѣ иго германской ненависти, жестокости и заносчивости. Въ пѣснѣ бельгійскихъ кружевницъ, тянущихъ вмѣсто воздушныхъ кровавыя нити, слишкомъ съуживается то зло, которое Германія причинила Бельгіи и всему человѣчеству.

На вѣки слава Бельгіи жива,
Неугасимо вѣчной правды пламя...
И залитыя кровью кружева
Подниметъ міръ—какъ дорогое знамя! [1])

Не одно только производство кружевъ—остановила Германія, не только разрушила соборы, перебила населеніе, надругалась надъ женщинами, но она остановила работу вѣрующей мысли. Благополучно на своихъ богословскихъ факультетахъ дойдя до отрицанія вѣры и замѣнивъ явный культъ Бога тайнымъ культомъ сатаны, Германія разрушала въ Брюсселѣ, Лувенѣ, Малинѣ не только молитвенныя собранія, она старалась уничтожить то, что можетъ быть и доселѣ смущаетъ совѣсть Делича и Гарнака, когда въ лучшія минуты жизни ихъ умственному взору предносится вопросъ: „а что если въ этомъ собраніи книгъ, которое называется Библіею, все правда, какъ объ этомъ настойчиво твердили и твердятъ въ Лувенѣ?“ Для успокоенія смущающейся совѣсти, разумѣется, лучше всего сравнять съ землею Лувенъ и все, что на него похоже. Противники вѣры въ откровеніе должны радоваться, что реакціонные очаги вѣры гибнутъ, благодаря энергіи Вильгельма, кронпринца и иныхъ представителей прусской культуры.

Но мы не будемъ радоваться съ ними. Трепетаніе и горѣніе вѣры—хотя бы и не вполнѣ той, которая для насъ есть абсолютная истина, дороги намъ. Мы скорбимъ о тѣхъ испытаніяхъ, которыя посылаются этой вѣрѣ, и мы вѣримъ, что

[1]) Щепкина-Куперникъ—пѣсня брюссельскихъ кружевницъ.

недалекъ часъ, когда провидѣніе положитъ конецъ этимъ испытаніямъ, вернетъ Бельгію къ разумной, дѣятельной и спокойной жизни и брюссельское ученое общество снова станетъ выяснять міру, что

nulla unquam inter fidem et rationem
uera dissensio esse potest.

Обратимся къ Парижу.

Религія и Парижъ—вотъ, сопоставленіе понятій, которое безъ сомнѣнія многимъ покажется страннымъ. Парижъ, это—новыя Аѳины, городъ изящества, вкуса, роскоши и красоты, городъ утонченныхъ наслажденій и утонченныхъ пороковъ. Его культъ — красота. Его храмы — музеи. Его главная святыня—Лувръ, шедевръ Лувра—Венера милосская. Для безрукой богини исполненной какой то безнадежной и безпомощной красоты парижане отвели особую залу, и здѣсь жрецы чистаго искусства ничѣмъ не разсѣеваемые могутъ наслаждаться созерцаніемъ этого чуднаго произведенія невѣдомаго художника. Парижъ славится своими театрами, магазинами, садами, бульварами. Богатые любители красоты и наслажденій стекаются сюда со всего міра, и деньги изо всѣхъ странъ льются въ столицу Франціи. Но гдѣ здѣсь религія? Въ школахъ здѣсь не преподается законъ Божій, отъ гражданъ не требуется, чтобы они исповѣдывали какую бы то ни было религію. И въ странахъ—далеко, далеко лежащихъ отъ Парижа, когда говорятъ о нечестіи и безбожіи, то связываютъ ихъ съ именемъ этого города и употребляютъ эпитетъ „Новый Вавилонъ“, а иногда даже вспоминаютъ и о Содомѣ.

Можетъ быть въ далекомъ прошедшемъ такъ думали и говорили и объ Аѳинахъ. Однако апостолъ языковъ прибывшій въ эту столицу Эллады не только не назвалъ городъ безбожнымъ, но засвидѣтельствовалъ, что аѳиняне представляются ему какъ бы особенно набожными. Особенно, Апостолъ не сказалъ, что источникъ набожности аѳинянъ имѣетъ исключительно чистый и возвышенный характеръ, что ихъ набожность есть именно та, которая требуется свыше, напротивъ, въ своей рѣчи онъ возвѣстилъ, что истинный Богъ былъ для нихъ невѣдомымъ Богомъ, скорѣе предметомъ исканія, чѣмъ поклоненія. Въ рѣчи давалось понять,

что Его и искали не тамъ и не такъ, какъ и гдѣ должно было искать. За всѣмъ тѣмъ, значитъ, въ городѣ, съ именемъ котораго связывалось представленіе о вольномысліи и отрицаніи, не было дѣйствительнаго безбожія, въ немъ существовало и богопочитаніе и богоисканіе, въ немъ стояло множество алтарей и множество людей размышляло о вопросахъ религіи.

Современный наблюдатель религіозной жизни въ Парижѣ долженъ также отвергнуть обвиненіе этого города въ безбожіи, какъ это долженъ былъ сдѣлать относительно Аѳинъ наблюдатель перваго вѣка нашей эры. Какія бы безбожныя рѣчи ни говорились и какія бы кощунственныя статьи и книги ни появлялись въ Парижѣ, въ немъ возвышается семьдесятъ грандіозныхъ католическихъ церквей, въ которыхъ совершаются постоянныя мессы и никогда не бываетъ недостатка въ молящихся. Кромѣ того, въ немъ имѣется масса каппелъ, болѣе сорока протестантскихъ церквей (аугсбургскаго, реформатскаго исповѣданій, англиканскія и американскія), три православныхъ, и одна изъ нихъ русская (двѣ другія—греческая и румынская), несмотря на внушительные размѣры, едва вмѣщаетъ молящихся. На улицахъ, въ музеяхъ, Сорбоннѣ, Коллежъ де Франсъ постоянно встрѣчаются кюрэ. Часто на улицахъ встрѣчаются дѣвочки-подростки всѣ въ бѣломъ, закутанныя въ бѣлыхъ покрывалахъ, ихъ можно было бы по ихъ костюму счесть за невѣстъ, если бы не ихъ дѣтскія личики. Это—дѣвочки, допущенныя въ первый разъ къ причащенію. Все это показываетъ, что въ этомъ трехъ милліонномъ городѣ, въ этомъ шумномъ царствѣ страстей человѣческихъ, гдѣ жизнь бьетъ такимъ живымъ ключомъ и люди живутъ главнымъ образомъ нервами, есть однако много людей, которые не хотятъ преклонять своихъ колѣнъ предъ Вааломъ, которыхъ житейскій шумъ не заставлялъ забывать о свышнемъ мирѣ.

Но не о религіозности парижанъ хотимъ говорить мы. Конечно, въ Парижъ не ѣздятъ затѣмъ, чтобы учиться благочестію. Практическая сторона религіи здѣсь не можетъ быть сильною. Но вотъ, что заслуживаетъ глубокаго вниманія и изслѣдованія: въ Парижѣ, какъ нигдѣ въ мірѣ, широко и разносторонне поставлено теоретическое изученіе религіи. Какія причины произвели это? Говорятъ, что люди,

когда теряютъ вѣру, начинаютъ разсуждать о ней. Можетъ быть такъ, но можетъ быть это изученіе религій имѣетъ для себя и не только указанную метафизическую, а еще и строго реальную подкладку. Колоніи въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ заставляли французское правительство посылать въ эти страны научныя экспедиціи, которыя натолкнулись на своеобразныя религіозныя богатства Камбоджи, Бирманіи, Сіама, Аннама, Тонкина, и такъ возникъ интересъ къ религіозному изученію. Но какъ бы то ни было, Парижъ насчитываетъ и множество изслѣдователей по исторіи религій и лучшій въ мірѣ музей по исторіи религій (разумѣю музей Гимэ), и въ его разныхъ музеяхъ и библіотекахъ имѣется безчисленное множество пособій, по которымъ можно изслѣдовать религіозныя судьбы человѣчества въ ихъ прошломъ и настоящемъ.

Въ различныхъ мѣстахъ Парижа читается цѣлая серія курсовъ съ характеромъ университетскимъ, курсовъ въ объемѣ среднеучебныхъ заведеній и, наконецъ, совершенно элементарныхъ. Предметами этихъ курсовъ служатъ искусства, языки, литература, исторія, физико-математическія дисциплины, науки соціальныя, естественная исторія и даже медицина. Солидное мѣсто въ курсахъ школъ, такъ называемаго, высшаго изученія занимаетъ исторія религій. Съ нею приходится встрѣчаться въ самыхъ различныхъ мѣстахъ. Такъ имѣются здѣсь историческіе курсы на улицѣ Принца, тамъ читалась, наприм., символика древнихъ и новыхъ религій. Есть здѣсь такъ называемая лувр-ская школа (при музеѣ), въ ней читаются курсы по археологіи и цивилизаціи государствъ древности—Ассиро-Вавилоніи, Египта и т. д. Понятно, что памятники археологическіе и культурные этихъ государствъ въ значительной мѣрѣ памятники религіозные, и пониманіе ихъ обусловливается пониманіемъ духа религіозныхъ вѣрованій ихъ народовъ. Курсы (Бертрана, давшаго изслѣдованіе о религіи галловъ, Піэрэ—египтолога и др.) въ значительной мѣрѣ и состоятъ изъ изложенія и толкованія этихъ вѣрованій. Но здѣсь на этихъ курсахъ все-таки на первомъ планѣ стоятъ эстетика и исторія вообще. Въ Парижѣ имѣются учрежденія, гдѣ изслѣдованіе религіозныхъ судебъ человѣчества не затемняется и не отстраняется никакою постороннею цѣлью, та-

ковы курсы въ Коллежъ де Франсъ и секція по религіознымъ наукамъ въ Сорбоннѣ.

Коллежъ де Франсъ существуетъ въ Парижѣ съ первой половины XVI столѣтія. Своимъ возникновеніемъ онъ обязанъ Франциску I-му (1515—1547 гг.), зданіе для него выстроено Генрихомъ IV (1589—1610), реставрировано и расширено въ новое время, но теперь уже имѣетъ довольно унылый и загрязненный видъ. Задача учрежденія давать безплатно высшее образованіе по самымъ различнымъ спеціальностямъ. Въ Коллежъ де Франсъ можетъ приходить каждый желающій и слушать какія ему угодно лекціи, которыя читаются ежедневно (кромѣ праздниковъ и лѣтнихъ каникулъ) отъ 9 час. утра и обыкновенно до 6 час. вечера. Читаютъ 50 профессоровъ. Читаются не курсы наукъ, а отдѣлы по спеціальнымъ вопросамъ различныхъ отраслей знанія. Мнѣ лично пришлось тамъ слушать курсы въ 1899 г. Курсы спеціально по исторіи религіи читались тремя профессорами: Жаномъ Ревилемъ (исторія христіанской церкви со времени смерти Григорія VII—1085 г.—до IV латеранскаго собора—1215 г.), Гастономъ Масперо (о текстахъ, относящихся къ древней религіи Египта и исторія теократическаго управленія въ Ѳивахъ) и Филиппомъ Берже (исторія Давида и религія финикіянъ). Изъ двухъ курсовъ Масперо первый былъ посвященъ разбору надписей на пирамидахъ 4—6 династій (Choufou, Snefrou, Menkore, Pepi, Mer-en-Re и т. д.). Увлекающіеся ученые готовы отодвигать эту эпоху за 3000 лѣтъ до *Р.* Х. Религія египтянъ тогда въ своихъ основныхъ чертахъ было уже тою, какою она является и въ послѣдующее время [происходитъ только осложненіе и объединеніе вѣрованій, но боги первыхъ династій не исчезаютъ и не забываются]. Какъ любопытную черту Масперо раскрылъ почитаніе у египтянъ въ ту отдаленную эпоху нѣкоторыхъ созвѣздій, такъ сказать, египетскій сабеизмъ. Для православнаго богослова, изучающаго религію Египта съ апологетическими и библейскими цѣлями, здѣсь представляется масса поучительныхъ сближеній—сближеніе египетскаго сабеизма съ халдейскимъ, библейскія свидѣтельства о древности звѣзднаго культа (Іов. XXXI, 26—28) и т. д. Другой курсъ Масперо имѣлъ дѣло съ XXI—XXII династіями. Онъ возстановлялъ списки ѳиванскихъ первосвященниковъ параллельно

съ фараонами (это была эпоха необыкновеннаго усиленія государственнаго значенія жрецовъ). Исторія Египта въ эту эпоху соприкасается съ Библіею (походъ Шешонка-Сусакима Библіи 3 Царств. XIV, 25 и слѣд. 2 Паралип. XII, 2 и слѣд.). У Масперо, несмотря на безспорную крупную талантливость этого ученаго, немного слушателей; это объясняется спеціальностью его курса. Но любопытно, что между его слушателями и слушательницами есть такіе, которые сами не имѣютъ никакой религіи. Одинъ слушатель заявилъ мнѣ, что онъ послѣдователь позитивной философіи Литрэ, т. е. философіи, совсѣмъ исключающей религію изъ житейскаго обихода, и однако, этотъ слушатель изучаетъ египетскіе іероглифы, еврейскія письмена для того, чтобы ознакомиться съ религіозными воззрѣніями древнихъ. Почему же онъ нашелъ важнымъ и нужнымъ это трудное дѣло изученія религіознаго прошлаго человѣчества? Курсъ финикійской религіи Берже посѣщался гораздо болѣе многочисленною публикою, чѣмъ скромная аудиторія Масперо. Лекціи Берже расчитаны на популярность. Онъ неохотно и рѣдко прибѣгаетъ къ семитическимъ письменамъ, но за то обильно демонстрируетъ свою рѣчь рисунками и привлекаетъ къ себѣ новизною излагаемыхъ свѣдѣній. Онъ отсылаетъ своихъ слушателей или, вѣрнѣе, слушательницъ за пріобрѣтеніемъ нужныхъ подготовительныхъ свѣдѣній о пунахъ къ „Соламбо“ Флобера и въ своихъ заключеніяхъ онъ опирался главнымъ образомъ на раскопки въ Карѳагенѣ аббата Делатра (раньше давшаго такія обстоятельныя работы о таблицахъ Тэль-эль-амарна) онъ рисовалъ религіозный синкретизмъ финикіянъ, этихъ космополитовъ древняго міра. Остроумно возстановляемые и истолковываемые факты наводили на глубокія размышленія. Получалась двойственная картина—страшная племенная раздробленность древняго человѣчества и вмѣстѣ какое то стремленіе къ религіозному объединенію, стремленіе удовлетворяемое совершенно невозможнымъ сбразомъ чрезъ сліяніе и соединеніе самыхъ различныхъ божествъ.

Должно назвать еще нѣсколько профессоровъ Коллежъ де Франсъ, которые тогда не читали курсовъ спеціально по исторіи религій, но курсы, которыхъ всегда имѣютъ близкое отношеніе къ этой исторіи и которые въ области этой исто-

ріи дали капитальные труды. Таковы: Оппертъ—ассиріологъ, излагавшій принципы ассирійской грамматики и руководственныя правила для дешифрированія текстовъ. Его толкованія ассиро-вавилонской миѳологіи извѣстны каждому занимавшемуся древней исторіей. Далѣе должно назвать санскритолога Леви (онъ читалъ о новыхъ надписяхъ въ Непалѣ и о доктринѣ „Махаяна“, изложенной въ „сутра-шанкара), Гастона Буасье (автора изслѣдованій о римской религіи), Леже—слависта (пишущаго въ настоящее время въ Revue de l'Histoire des Religions о славянской миѳологіи). Къ нимъ нужно присоединить арабистовъ, арамистовъ, синологовъ, кельтистовъ, филологическія изысканія которыхъ по самому существу связаны съ религіозными. Къ этому изученію религіи, какъ историческаго факта, въ Коллежъ де Франсъ присоединяются курсы, въ которыхъ дѣлаются попытки философскаго истолкованія религіозныхъ явленій. Такъ, Рибо въ своихъ чтеніяхъ „о творческомъ воображеніи“ не разъ касался лукреціева Timor primos fecit deos, Рибо не говорилъ: primos, но онъ развивалъ, что многіе боги обязаны своимъ происхожденіемъ существованію рабскаго чувства страха. Пьеръ Лафитъ (парижскій первосвященникъ контовскаго культа религіи человѣчества), отъ старости засыпавшій на своихъ лекціяхъ вмѣстѣ съ своими слушателями, тоже пытался проливать свѣтъ на религіозную эволюцію. Флахъ въ своихъ лекціяхъ по этнографіи (обычаи и учрежденія народовъ океаніи) касался генезиса нѣкоторыхъ религіозныхъ обычаевъ. Изуле читалъ о религіозныхъ движеніяхъ въ эпоху Жанъ Жака Руссо. Мабильо далъ курсъ объ ученіи Аристотеля о душѣ по комментаріямъ александризма и аверроизма—комментаріямъ, имѣвшимъ теософическій характеръ.

Рядомъ съ скромнымъ Коллежъ де Франсъ возвышаются величественныя зданія Новой Сорбонны. Сорбонна имѣетъ за собою многовѣковую исторію. Въ 1253 г. Робертъ Сорбоннъ капелланъ и духовникъ Людовика IX святаго, основалъ богословскій факультетъ, получившій имя Сорбонны, отъ своего основателя. Этотъ богословскій факультетъ пріобрѣлъ громадную славу въ средніе вѣка. Авторитетъ и знамя баккалавровъ и докторовъ Сорбонны стояли высоко. Ришелье (въ 1623 г.) далъ Сорбоннѣ помѣщенія достойныя ея славы. Но

съ тѣхъ поръ эта слава стала меркнуть. Богословіе стало оттѣсняться на задній планъ. Въ 1808 г. въ Сорбоннѣ былъ учрежденъ словесный факультетъ (lettres). Теперь въ ней помѣщаются факультетъ lettres et beaut arts и sciences—1) литературы и изящныхъ искусствъ и 2) физико-математическій. Къ нимъ здѣсь же примыкаетъ факультетъ права. Но богословію здѣсь не дано никакого уголка. Только въ 1897 г. въ новой Сорбоннѣ отведено помѣщеніе для секціи по наукамъ религіознымъ. Вотъ программа курсовъ за второй (1898—1899 гг.) годъ ихъ существованія. Въ значительной мѣрѣ они представляютъ собою продолженіе чтеній перваго года, для каждаго спеціальнаго курса отведенъ одинъ или два недѣльныхъ часа.

I. *Религіи некультурныхъ народовъ.* Марильe—„Вѣрованія относительно переживанія души“ (одинъ курсъ) и „обрядовая антропофагія и человѣческія жертвоприношенія“ (другой, продолженіе курса читаннаго въ предыдущій годъ). II. *Религіи крайняго востока и индійской Америки.* Леонъ де-Росни—„Доктрина Кіенаи, ея противники и защитники. Такъ называемая религія толтековъ“ (одинъ курсъ) и „объясненіе религіозной христоматіи крайняго востока, практическія упражненія въ истолкованіи китайскихъ философскихъ терминовъ по главнымъ туземнымъ лексиконамъ“ (другой) III. *Религіи Индіи.* Фушэ (первый годъ читалъ Леви—профессоръ Коллежъ де Франсъ—о священныхъ городахъ и пилигримствѣ въ индуизмѣ и легенда о Буддѣ)—„Элементы философіи Ніаія и Веданта“ (одинъ курсъ) и „объясненіе и комментированіе законовъ Ману“ (другой). IV. *Религіи Египта.* Амелино — „Истолкованіе текстовъ выгравированныхъ на гробницѣ Сети I-го“ (продолженіе курса предыдущаго года) и „Истолкованіе жизни монаха Моисея абидосскаго и нѣкоторыхъ другихъ изъ Верхняго Египта“ (другой курсъ, тоже продолженіе). V. *Религіи Израиля и западныхъ семитовъ.* Морисъ Вернъ—„Объясненіе книги псалмовъ“ (одинъ курсъ) и „характерныя особенности древнееврейской религіи (другой). VI. *Талмудическое и раввинское іудейство.* Израиль Леви—„Образованіе синагогальнаго культа“ (1) и „Истолкованіе работъ раввина Натапа“ (2, продоженіе). VII. *Исламизмъ и религіи Аравіи.* Гартвигъ Деренбургъ—„Объясненіе корана съ богословскимъ, историческимъ и грамматическимъ ком-

ментаріемъ Байдави, по изданію Флейшера (1) и „Объясненіе нѣкоторыхъ сабейскихъ и гиміаритскихъ надписей“ (2, оба курса представляютъ собою продолженіе чтеній предыдущаго года). VIII. *Религіи Греціи и Рима.* Андре Бертло—„Греческіе культы въ Римѣ“. IX. *Христіанская литература.* Сабатье—„Хронологическая исторія первоначальной христіанской литературы и исторія образованія Новаго Завѣта“ (1) и „Критическое изученіе текста и источниковъ Дѣяній Апостольскихъ“ (2, оба курса—продолженіе чтеній предылущаго года). Евгеній Фей—„Христіанское ученіе о нравственности во II-мъ в. въ ея отношеніяхъ къ греческой философіи: „Тертулліанъ“ (1, продолженіе прошлогодняго курса) и „Объясненіе избранныхъ текстовъ, относящихся къ исторіи гоненій въ первые три вѣка“ (2). X. *Исторія догматовъ.* Альбертъ Ревиль—„Церковное ученіе въ началѣ V-го в. по „Граду Божію“ бл. Августина“. Пикавэ—„Академики Цицерона и Contra academicos Августина“ (1) и „Библіографія схоластики. Мистицизмъ среднихъ вѣковъ“ (2, оба курса продолженіе прошлогоднихъ). XI. *Исторія христіанской церкви.* Жанъ Ревиль—„Исторія образованія христіанской церкви въ Римской имперіи“ (1) и „Критическій этюдъ о подлинности четвертаго Евангелія и о преданіяхъ, относящихся къ апостолу Іоанну (2). XII. *Исторія каноническаго права.* Эсмейнъ—„Исторія и теорія права патроната“ (1) и „Теорія доказательствъ въ каноническомъ правѣ по Corpus juris canonici и его комментаторамъ“ (2). Перечисленные курсы закрытые, на нихъ слушатели должны записываться, они могутъ участвовать въ практическихъ занятіяхъ, въ концѣ подвергаться испытаніямъ. Но кромѣ нихъ еще читаются курсы публичные для всѣхъ желающихъ. Таковы: Дерамея—„Исторія древнихъ восточныхъ церквей: первая церковь Іерусалимская“, Кентена—„Ассиро-вавилонская религія: монографія о богинѣ Истаръ по надписямъ, начиная съ надписей Уръ-Нина и кончая послѣдними надписями Набонида; Рейнода—„Религіи древней Мексики: этюдъ о письменныхъ документахъ въ древней Мексикѣ“. Съ тѣхъ поръ какъ я слушалъ курсы въ Парижѣ прошло шестнадцать лѣтъ, и многіе изъ ученыхъ читавшіе въ 1899—1900 г.г. уже умерли. Умеръ Марилье, умеръ Оппертъ, умерли оба Ревиля—отецъ и сынъ (Альберъ и Жанъ), умеръ Сабатье. Умерли многіе

изъ тѣхъ, которые были на парижскомъ конгрессѣ по исторіи религій въ 1900 г. Германскіе ученые не принимали въ немъ участія. Гарнакъ даже высказалъ мысль, что исторію религій изучать невозможно и что ему довольно дѣла съ христіанствомъ. Здѣсь сказалась вся узость взглядовъ нѣмецкаго раціоналиста. Христіанство для него въ сущности естественное явленіе. Но если это такъ, то изученіе его возможно лишь при сравненіи съ другими аналогичными явленіями—другими религіями. Для этого не требуются во всемъ объемѣ первоисточники. По первоисточникамъ для одного лица невозможно изучить и исторію христіанства. Но нѣмецкій ученый взглянулъ на дѣло иначе и явно подчеркнулъ, что въ конгрессахъ по исторіи религій онъ видитъ лишь легкомысленную французскую затѣю. Ученые изъ разныхъ странъ міра взглянули на дѣло иначе. Исторія религій развивается и разрабатывается. Въ самомъ Парижѣ уже семью годами позже конгресса въ католическомъ институтѣ была учреждена каѳедра по исторіи религій.

Многіе работники по исторіи религій въ началѣ XX столѣтія сошли въ могилу. Умерли почетные предсѣдатели парижскаго конгресса М. Мюллеръ и Тиле. Вмѣсто Ревилей въ коллежъ де Франсъ исторію религій читаетъ бывшій аббатъ Луази. Эта замѣна впрочемъ мнѣ неособенно нравится. Ревилямъ я не могу поставить въ вину ихъ раціонализмъ, они въ немъ были воспитаны, но съ ренегатствомъ Луази я не умѣю мириться.

Какъ трактуютъ религію лекторы сорбонской секціи изученія религій? Отчасти надъ ними еще витаетъ тѣнь Ренана, и голосъ покойнаго скептика и пантеиста часто слышится въ соображеніяхъ и разсужденіяхъ Верна. Отчасти здѣсь царствуетъ раціонализмъ. Отчасти подъ давленіемъ всегда въ концѣ концовъ торжествующей истины совершаются уступки въ пользу положительной религіи. Методъ изученія пытаются установить строго позитивный. Послѣднему можно радоваться, ибо позитивный методъ во всякомъ случаѣ устраняетъ предвзятыя раціоналистическія гипотезы. Вотъ, образчики работъ воспитанниковъ въ первый годъ существованія секціи: Маржеронъ обработывалъ библіографію таоизма, китайской религіи, представляющей смѣсь философіи Лаоцзи съ грубѣйшими народными вѣрованіями. Тассэ изслѣдовалъ

документы о шинтоизмѣ (традиціонной японской религіи), находящіеся въ англійскихъ библіотекахъ. Пердекэмперъ составилъ анализъ философіи Лих-тце, Тома занимался изученіемъ религій въ Тибетѣ до и во время проникновенія туда буддизма.

Кромѣ секцій по наукамъ о религіи въ Сорбоннѣ религіи служатъ предметомъ изслѣдованія—правда, косвенно и въ незначительной мѣрѣ—и въ факультетскомъ преподаваніи. На факультетѣ литературы и изящныхъ искусствъ, понятно, многія изслѣдуемыя произведенія древнихъ литературъ и памятники искусства имѣютъ религіозный характеръ. Миѳологія всѣхъ народовъ относится сюда. На факультетѣ права читается масульманское право. Потребность въ этой дисциплинѣ вызвана тѣмъ, что французскіе подданные въ Алжирѣ и нѣкоторыхъ другихъ колоніяхъ, главнымъ образомъ, масульмане. И вотъ, ради нихъ французскимъ студентамъ юристамъ приходится знакомиться съ кораномъ, такъ какъ основанія и руководительныя начала масульманскаго права находятся въ этой священной книгѣ. Но это изученіе, конечно, имѣетъ уже прикладной характеръ. Сорбоннская секція по наукамъ о религіи не имѣетъ никакихъ побочныхъ цѣлей, она изучаетъ религію, чтобы узнать ее. Безспорно, что это изученіе въ настоящее время не имѣетъ религіознаго характера, т.-е. не освящено религіозною вѣрою, не проникнуто благоговѣніемъ къ религіозной истинѣ. Но въ высшей степени важенъ самый фактъ таковаго изученія. Мы наслѣдовали безчисленное множество философскихъ ученій о религіи, ея сущности и происхожденій. Многія изъ нихъ и притомъ наиболѣе популярныя—въ родѣ Лукреціева и Эвгемерова въ новомъ стилѣ—кощунственно и легкомысленно рѣшаютъ религіозные вопросы отрицательнымъ образомъ. Вслѣдствіе того, что эти ученія просты, понятны и ясны, они популярны, они увлекаютъ многихъ, и у насъ ученики послѣднихъ классовъ гимназій и первыхъ курсовъ университета нерѣдко черпаютъ въ нихъ свою мудрость. Ученія эти, какъ и многое другое, вышли съ запада. Но теперь они должны исчезнуть на западѣ, а потомъ и у насъ въ Россіи, ибо фактическое и добросовѣстное изученіе религій сдѣлаетъ невозможнымъ существованіе многихъ раціоналистическихъ гипотезъ относительно ихъ происхо-

жденія. Конечно, одно изученіе религій не приведетъ человѣка къ религіозной истинѣ: знаніе ассирійской грамматики или египетскихъ іероглифовъ еще не даетъ ключей отъ неба. Иное требуется отъ человѣка, чтобы онъ могъ вмѣстить слово истины—чистое сердце, добрая настроенность, смиреніе духа. Но, конечно, изученіе никакой другой стороны духовной жизни человѣка не можетъ болѣе обращать его мысль и заботу къ чистотѣ сердечной, какъ изученіе религій. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, изслѣдователь постоянно имѣетъ дѣло съ идеалами и идеальными стремленіями человѣческой природы. Въ грезахъ дикаря о блаженныхъ преріяхъ, гдѣ пасутся волшебные олени, гдѣ не бываетъ вьюгъ и бурь, и человѣкъ не знаетъ ни голода, ни неудачъ, гдѣ Великій Духъ оберегаетъ счастье своихъ почитателей, въ этихъ грезахъ добросовѣстный изслѣдователь, конечно, никогда, не усмотритъ только простое выраженіе тоски по жареной олениной. Да если бы онъ и обратился къ этой гипотезѣ, то изученіе пѣсней этого дикаря, его обращеній къ Великому Духу немедленно показало бы невозможность такого предположенія. Молитвы къ Синъ, воззванія къ Ра, чувство грѣховности и потребность въ очищеніи и оправданіи, о которыхъ говорятъ гимны сложенные на берегахъ Ганга и Инда, все это—чѣмъ порождено въ груди человѣка? Откуда эти чувства благоговѣнія, священнаго трепета и собственнаго самоуничиженія? Откуда это недовольство всѣмъ земнымъ и тоска по какомъ то невѣдомомъ можетъ быть несуществующемъ небесномъ? Изслѣдователь религій человѣчества (мы разумѣемъ естественныя религіи) изслѣдуетъ духовныя мученія человѣчества. Это какіе то тоскливые и мучительные порывы къ непостигнутому благу съ одной стороны и—съ другой—часто ужасныя попытки удовлетворенія этихъ порывовъ въ фанатическомъ культѣ, въ кровавыхъ жертвоприношеніяхъ, въ самоистязаніи. Изслѣдователь этихъ явленій неизбѣжно приходитъ къ дилемѣ: или должно заглушить эти порывы или измѣнить ихъ направленіе. Заглушить? Было сдѣлано не мало попытокъ въ этомъ направленіи, и въ Парижѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, многіе пытались забывать о Богѣ. Чѣмъ кончилось это? Въ Парижѣ тѣмъ же, чѣмъ ранѣе кончалось въ другихъ мѣстахъ: на мѣсто традиціонной религіи становились мисти-

цизмъ и суевѣрія. Въ Парижѣ имѣются громадные магазины спеціально торгующіе книгами и манускриптами по Sciences occultes—тайнымъ наукамъ (магіи, чародѣйству, демонологіи, астрологіи, алхиміи, герметизму, каббалѣ, магнетизму, спиритизму, мистицизму, теософіи), имѣются спеціальныя изданія, каждую недѣлю выходятъ новые каталоги. Здѣсь имѣются тайныя общества—не политическія, политическимъ обществамъ здѣсь нѣтъ нужды быть тайными, но общества преслѣдующія какія-то оккультическія цѣли. Чѣмъ вызвано существованіе этихъ обществъ и изданіе этихъ книгъ? Очевидно, тою же духовною потребностью или вѣрнѣе тѣмъ же неумѣньемъ удовлетворить эту потребность, которое побуждало современниковъ Апепи въ Египтѣ силою заклинаній подчинять себѣ небесныхъ боговъ или славянина позднѣйшей эпохи бороться съ лихорадкою силою магическихъ заклинаній. Заглушить религіозныя стремленія въ человѣчествѣ невозможно, какъ невозможно истолковывать ихъ происхожденіе изъ какихъ то недоразумѣній, непониманія, духовной аберраціи. Ученые историки религій въ Парижѣ, которыхъ никакъ нельзя заподозрить въ стремленіи къ ретроградству или клерикализму, своими трудами рѣшительно утверждаютъ это, и доселѣ еще появляющіяся въ разныхъ странахъ попытки объяснить возникновеніе религіи простымъ способомъ разрубанія узла (человѣкъ испугался, удивился и причину своего испуга или удивленія назвалъ богомъ) встрѣчаютъ обыкновенно на страницахъ парижскаго органа по исторіи религій Revue de l' Histoire des Religions суровое порицаніе.

Но не одними своими курсами и изданіями по исторіи религій Парижъ направляетъ мысль посѣтителя этого города къ вопросамъ о религіи. Курсы и изданія—даже не главное и не первое, что должно направить въ Парижѣ туриста на размышленіе о религіи. И курсы и изданія игнорируются и безъ сомнѣнія всегда будутъ игнорироваться не только большинствомъ любознательныхъ иностранцевъ, но и громаднымъ большинствомъ природныхъ жителей Парижа. Другое дѣло—музеи. Туристъ идетъ въ нихъ прежде всего, отъ времени до времени завертываетъ въ нихъ и коренной житель. И любознательности такихъ посѣтителей по вопросу о религіозныхъ представленіяхъ человѣчества въ прошломъ и на-

стоящимъ Парижъ своими музеями даетъ очень многое. Въ Парижѣ есть музей спеціально христіанскихъ древностей съ нѣкоторыми остатками римскаго язычества (музей Клюни), есть этнографическій музей (въ Трокадеро) съ предметами религіознаго почитанія современныхъ дикарей и доколумбіанскихъ индійцевъ. Въ Луврѣ имѣются обширный музей египетскихъ древностей, музей древностей азіатскихъ-халдеоассирійскихъ, финикійскихъ, іудейскихъ, азіатско-греческихъ и въ Луврѣ же имѣется громадный музей классическихъ древностей. Наконецъ, единственно въ Парижѣ имѣется спеціальный музей по исторіи религіи—это новый построенный треугольникомъ въ ново-греческомъ стилѣ музей Гимэ.

Музеи Клюни и Трокадеро даютъ не много изслѣдователю. Сокровищами Клюни съ интересомъ и пользою долженъ заняться изслѣдователь христіанской археологіи. Музей Трокадеро — собраніе — неособенно обширное — этнографическихъ матеріаловъ. Въ Трокадеро собраны идолы и предметы священнаго почитанія изъ Африки, имѣется большая галлерея мексиканскихъ и перуанскихъ божествъ. Но теперь изъ Америки вообще вывозятся богатыя коллекціи по религіямъ ея аборигеновъ. Жаль только, что имѣется очень мало литературныхъ памятниковъ, которые могли бы послужить руководительнымъ ключемъ къ выясненію религіозныхъ представленій интереснаго исчезнувшаго народа. Религіозная атмосфера, въ которой дышало прошлое человѣчество, охватываетъ посѣтителя, когда онъ вступаетъ въ музей древностей Лувра. Здѣсь собраны религіозныя коллекціи изъ тѣхъ областей, съ которыми у насъ связывается представленіе о первоисторіи человѣчества. Предметы найденные при научныхъ раскопкахъ въ 1843—1845 г.г. на Тигрѣ и Евфратѣ—саркофаги, каменные быки съ человѣческими головами, надписи, вазы, обломки царскаго дворца изъ Ниневіи, барельефы изъ дворца Саргона въ Хорсабадѣ, статуи, фигуры евнуховъ. Какъ важная новинка, здѣсь красуется стела Гаммураби. Много здѣсь финикійскихъ древностей. Есть зала сидонскаго царя Эшмуназара, здѣсь помѣщается его громадный саркофагъ. Много иныхъ саркофаговъ, ливійскихъ и пуническихъ надписей. Главную драгоцѣнность іудейской залы представляетъ памятникъ Меши, моавитскаго царя, боровшагося съ Іорамомъ и Іосафатомъ (4 Цар. III), онъ былъ воздвигнутъ

болѣе, чѣмъ за 8½ столѣтій до Р. Хр. Но главное—музей египетскихъ древностей. Онъ состоитъ изъ большаго числа большихъ залъ на двухъ этажахъ. Многіе пытаются установить, что обильный египетскій пантеонъ не вытѣснилъ совершенно у египтянъ представленія о единомъ верховномъ Богѣ. Этотъ единый верховный Богъ по представленію египтянъ, „есть единое бытіе дѣйствительно сущее". „Онъ далъ бытіе всѣмъ существамъ и низшимъ богамъ", „онъ все произвелъ и самъ не произведенъ", „онъ рождается самъ собою". Богатыя коллекціи музея даютъ возможность составить полное представленіе о ходѣ египетской культуры. Несомнѣнно, что цивилизація Египта стояла высоко еще задолго до дней Авраама. Въ залѣ гражданскихъ древностей есть статуя писца (въ сидящемъ положеніи) изъ временъ V-ой династіи. Замѣчательное выполненіе говоритъ о высокой культурѣ. Въ похоронной залѣ можно подробно изучить ученіе египтянъ о жизни и смерти. Муміи, различные тексты книги мертвыхъ, болѣе или менѣе полный экземпляръ которой всегда клали съ умершимъ, священные предметы, клавшіеся съ умершимъ („погребальные скарабеи"), судъ Озириса, подробное изображеніе суда надъ умершимъ сорока двухъ судей. Къ похоронной залѣ примыкаетъ зала религіозныхъ памятниковъ. Въ ней выдѣляется статуя Горуса, съ головою ястреба совершающаго возліяніе (предъ Озирисомъ?). Коллекціи боговъ составлены здѣсь отчасти по географическому принципу: вмѣстѣ сгруппированы божества Ѳиваиды, вмѣстѣ Божества Мемѳиса. Какъ ни великъ египетскій пантеонъ, но однако почти всѣ его боги имѣются въ музеѣ въ различныхъ экземплярахъ часто отъ различныхъ эпохъ или изъ различныхъ мѣстъ, такъ что можно прослѣдить варіаціи въ представленіи божества. Имѣются здѣсь божества—Аммонъ, его супруга и мать Мотъ, ихъ сынъ Хунъ (у египтянъ Боги обыкновенно образуютъ тріады), Нумъ, Сати и Ануке, затѣмъ ихъ сліяніе—Аммонъ-Нумъ, Изида-Сати; Фта (въ видѣ Бога съ прекраснымъ лицомъ и въ каррикатурномъ видѣ эмбріона), Секхетъ и Нофра-Тумъ или Имготепъ; Озирисъ, Изида и Горусъ; Ра съ Тумъ, Гаторъ, Нутъ (не достаетъ въ луврскихъ коллекціяхъ Бога Себа—супруга Нутъ), Сетъ, Анубисъ, четыре генія похоронъ, Тотъ, Бесъ. Далѣе, слѣдуютъ атрибуты боговъ, коллекціи

амулетовъ. Имѣется въ музеѣ зала сфинксовъ и есть спеціальная зала аписовъ. Аписы [Аписъ = вторая (земная) жизнь П(Ф)та] почитавшіеся при жизни благоговѣйно погребались по смерти. Воздвигались памятники, на которыхъ увѣковѣчивалось печальное событіе смерти земнаго воплощенія Фта. Согласно египетскому ученію о загробной жизни всякій умершій N соединяется и становится одно съ Озирисомъ, становится Озирисомъ N. Тому же самому подвергались и аписы. Послѣ смерти Аписъ становится Озирисъ-Аписъ (Osar-Hapi) отсюда въ сокращеніи явился Сараписъ или Сераписъ—новое божественное существо, новый предметъ для благоговѣйнаго почитанія египтянъ. И его мы находимъ въ Луврѣ.

Египетъ пережилъ много фазъ въ своемъ развитіи: древнее, среднее и новое царство, затѣмъ Египетъ эллинизированный и наконецъ Египетъ христіанизированный. Въ теченіи тысячелѣтій въ долинѣ Нила мѣнялись расы, культуры, языкъ, искусство, вѣрованія. Богатыя и постояно умножающіяся и умножающіяся коллекціи Лувра представляютъ много данныхъ для того, чтобы прослѣдить религіозныя судьбы этого народа, благочестіе котораго отмѣчалось еще древними. Въ послѣднее время относительно подробностей и значенія египетской религіи возникли гипотезы, съ которыми не можетъ согласиться христіанскій изслѣдователь. Въ взаимоотношеніяхъ различныхъ египетскихъ боговъ хотятъ видѣть борьбу семитическихъ и туземныхъ элементовъ населенія. Въ Тифонѣ или Сетѣ хотятъ видѣть какого то древняго семитическаго бога (еврейское имя Сиѳъ; см. по еврейск. Биб. Второзак. XXXII, 17; Псаломъ CVI, 37), почитатели котораго столкнулись съ почитателями абидосскаго Озириса. Указаній на этого Сета или Сиѳа ищутъ въ Библіи. Точно также возникновеніе и развитіе иконопочитанія пытаются связывать съ позднѣйшими египетскими культами. Все это неправда, и мы думаемъ, что нагляднѣйшія опроверженія подобнаго рода гипотезъ могутъ быть доставлены лучше всего чрезъ тщательное изученіе религіозныхъ памятниковъ Египта, поучительное собраніе которыхъ представляетъ Лувръ.

Музей Гиме первоначально основанъ былъ Эмилемъ Гимэ въЛіонѣ. Это было въ 1879 г., когда Гимэ возвратился изъ

ученой экспедиціи на крайній востокъ, куда онъ былъ командированъ министромъ общественнаго обученія для изученія религій тамошнихъ народовъ. Гимэ предполагалъ въ Ліонѣ при музеѣ устроить школу восточныхъ языковъ и вмѣстѣ съ этимъ связать изученіе религій. Дѣло это, видно, не встрѣтило успѣха. Тогда онъ сталъ хлопотать о переводѣ музея въ Парижъ и въ 1888 г. музей былъ переведенъ сюда и пріобщенъ къ числу національныхъ учрежденій. Онъ получилъ имя своего основателя, и его цѣль была опредѣлена такъ: Музей долженъ содѣйствовать распространенію знаній о восточныхъ цивилизаціяхъ и облегчать дѣло изученія ихъ въ религіозномъ, историческомъ и артистическомъ отношеніи посредствомъ священныхъ изображеній и книгъ, предметовъ культа и произведеній искусства, образующихъ его коллекціи; но исторія религій—первоначальная цѣль его основанія—остается его главной задачей. „Музей религій, такъ говорятъ о немъ его устроители, прежде всего долженъ быть коллекціею идей, мы стремились по возможности вездѣ представить ихъ методически тщательную классификацію, наглядное демонстрированіе. Представляя каждый народъ обособлено, мы классифицировали его религіи въ хронологической послѣдовательности ихъ появленія и подраздѣляя различныя религіозныя секты и школы съ точностью, которую только допускали наши познанія. Въ каждомъ изъ таковыхъ подраздѣленій мы группировали различныя представленія одного и того же божества такъ, чтобы можно было видѣть тѣ измѣненія, которыя время или прогрессъ идей производили въ его характеристическихъ чертахъ, въ его формѣ, положеніи, аттрибутахъ, или въ его миѳологическомъ значеніи. Каждый разъ, когда только это было возможно, мы ставили въ наши витрины образы замѣчательнѣйшіе по своей рѣдкости, древности, художественному совершенству или по качеству матеріала“.

Намѣченныя задачи наиболѣе широко учредители могли осуществить по отношенію къ браманизму и буддизму. Первоначальный корень этихъ религій—ведизмъ, натуралистическая религія древнихъ жителей Индостана арійскаго происхожденія (боги: Агни, Сома, Варуна, Индра, Адити, Притиви, Діасъ, Митра, Савитаръ, Суріа, Рудра, Ваіу и др.). Изъ ведизма (4 священныя книги ведъ: Риг—, Яджур—, Сама—

и Атарва—веды) вышелъ браманизмъ въ собственномъ смыслѣ, въ которомъ образъ Брамы (собственно бога молитвы) оттѣснилъ далеко на задній планъ всѣхъ прочихъ боговъ. Ни отъ ведизма, ни отъ браманизма въ его древнѣйшей формѣ не сохранилось никакихъ религіозныхъ памятниковъ. Но изъ браманизма вышли секты: джаинизма (ученіе первоначально почти тождественное съ буддійскимъ, теперь джаинизмъ распадается на многія секты), буддизма (множество сектъ и типовъ) и индуизма или видоизмѣненнаго браманизма, въ которомъ къ Брамѣ присоединилися Вишну и Сива (образовалась троица—тримурти) и сообразно съ тѣмъ, что одни стали почитать наиболѣе Вишну, а другіе Сиву, явились секты вишнуитовъ и сиваитовъ. Эти религіи имѣютъ за собою долгую и широкую исторію, и посѣтитель музея Гимэ имѣетъ возможность наглядно прослѣдить ихъ судьбы въ различныхъ странахъ и вѣкахъ.

Въ нижнемъ этажѣ музея находятся современные памятники по этимъ религіямъ изъ Сіама и Камбоджи (4 залы). Здѣсь множество статуй буддъ (есть даже отпечатокъ ноги Будды), масса статуй божествъ браманистическихъ, обращаетъ на себя вниманіе громадная статуя Гари-Гара (соединеніе Вишну и Сивы въ одномъ тѣлѣ), есть здѣсь барельефъ изъ храма Ангхоръ-Вата (браманистическаго), представляющій адскія мученія грѣшниковъ, имѣется модель аннамитскаго храма. Въ первой залѣ на первомъ этажѣ прежде всего помѣщаются божества ведическія (т. е. не отъ ведическаго періода, а такія браманистическія божества, которыя почитались уже и въ ведическій періодъ). Есть здѣсь колесница Индры (бога войны), Индра ѣдущій на слонѣ, Агни (богъ огня) съ двумя головами и четырьмя руками на колесницѣ, Сома—богъ луны (первоначально опьяняющій, священный напитокъ), Ушасъ (богиня зари), Суріа—богъ солнца и мн. др. Любопытны группы, изображающія на молитвѣ брамина и браминку. Дѣло въ томъ, что браминъ можетъ приносить жертвы и совершать священнодѣйствія только при участіи своей жены. Если у него умираетъ жена, и онъ становится вдовъ, его священнодѣйствія становятся безсильными. Если мы примемъ во вниманіе, что молитвы браминовъ были заклинаніями, которыя всецѣло подчиняли ихъ власти боговъ управляющихъ міромъ, и что, слѣдовательно

согласно съ уставомъ произнесенная молитва могла произвести все, то у насъ получится, что въ распоряженіи браминокъ находится счастье всего существующаго, и что, слѣдовательно, отвѣтственность за все зло, существующее въ мірѣ, лежитъ на легкомыслiи прекрасной половины браминской касты. Въ витринахъ, посвященныхъ Вишну и Лакми (его супруга) обращаютъ на себя вниманіе аватара (воплощенія) Вишну. Христіанскому богослову по случайнымъ обстоятельствамъ приходится оказывать преувеличенное вниманіе воплощенію Вишну въ Кришну. Досужіе люди, ученость которыхъ, кажется, ушла не далеко, пустили въ обращеніе гипотезу, что ученіе о воплощеніи Христа есть передѣлка легенды о воплощеніи Кришны. Разсмотрѣніе и изслѣдованіе дѣла, конечно, показываютъ, что здѣсь нѣтъ никакого сходства по содержанію и родства по происхожденію, да страдаетъ и хронологія, ибо легенды о Кришнѣ развились позднѣе первыхъ вѣковъ христіанства. Религію Сивы и его сакти (супругъ) не связываютъ, какъ религію Вишну или буддизмъ, съ христіанствомъ. Но группы Сивы-Парвати, Дурги (богини войны, разрушительницы) замѣчательны въ психологическо-религіозномъ и въ художественномъ отношеніи. Въ витринахъ посвященныхъ Сивѣ находятся статуи Тримурти—Брама, Вишну и Сива, соединенные въ одно тѣло съ тремя головами, многочисленныя статуэтки Ганесы (человѣческое тѣло, голова слона), бога мудрости, покровителя наукъ и литературы, сына Сивы и Парвати. Съ Тримутри въ свое время тоже приходилось считаться христіанскимъ богословамъ, но теперь уже не говорятъ объ историческомъ родствѣ индійской и христіанской троицы. За статуями боговъ слѣдуютъ въ музеѣ предметы культа, они собраны въ большомъ количествѣ и часто даютъ возможность ясно представить себѣ картину браманистическаго богослуженія. Послѣ браманизма музей знакомитъ насъ съ джаинизмомъ и буддизмомъ. Опять таки коллекціи располагаются отчасти и въ хронологическомъ и географическомъ порядкѣ (есть спеціальныя коллекціи съ Явы). Особая зала отведена тибетскому буддизму—ламаизму. Ламаизмъ повидимому обязанъ своимъ происхожденіемъ школѣ Махаяна, онъ отличается отъ буддійскихъ сектъ тѣмъ, что въ него вошло наибольшое количество народныхъ суевѣрій, и что въ немъ широко развита

іерархія. Его за его далай-ламу называютъ папистическимъ буддизмомъ. Боговъ и святыхъ здѣсь множество. Ламаизмъ хорошо изученъ и въ Россіи. Изученіе парижскихъ коллекцій дѣлаетъ для насъ вѣроятнымъ допущеніе, что на ритуалѣ ламаизма сказалось христіанское—вѣрнѣе всего, католическое вліяніе.

Къ тибетскому буддизму примыкаетъ буддизмъ китайскій. Музей и представляетъ намъ коллекціи того и другого буддизма въ связи, давая возможность выяснить и ихъ родство по происхожденію и ихъ особенности. Кромѣ буддійской Китай имѣетъ еще двѣ религіи: таоизмъ и конфуціанскую. Таоизмъ представляетъ собою странную амальгаму грубѣйшихъ фетишизма и демонолатріи съ довольно возвышенными метафизическими спекуляціями Лаоцзи (VI до Р. Х.). Лаоцзи былъ отшельникомъ, и легенда разсказываетъ, что, когда онъ достигъ очень преклоннаго возраста, предъ дверью его пещеры однажды предсталъ быкъ, своимъ видомъ какъ бы приглашая его на прогулку. Едва Лаоцзи сѣлъ на животное, оно понеслось къ востоку, и съ тѣхъ поръ мудреца не видали болѣе. Музей владѣетъ бронзовой статуей напоминающей объ этомъ событіи. Таоизмъ признаетъ звѣздныя божества, божества счастья, божества, покровительствующія письму, наукѣ и ученымъ, признаетъ разныхъ духовъ, земныя божества, почитаетъ предковъ. Обильныя коллекціи по таоизму меня лично приводили къ установленію нѣкотораго сближенія между этою современною демонологіею или этимъ пандемонизмомъ крайняго востока и демонологіею до-христіанской и до-эллинизированной Италіи и тамъ и здѣсь обиліе и множество геніевъ, духовъ, покровителей отдѣльныхъ сферъ бытія и особыхъ профессій, и тамъ и здѣсь наконецъ почитаніе тѣней усопшихъ. Конфуціанство по существу есть практическая мораль, скорѣе дѣлающая уступки религіознымъ вѣрованіямъ, чѣмъ поддерживающая ихъ, поэтому, понятно, религіозныхъ коллекцій по конфуціанству много быть не можетъ. Китай соприкасается съ сѣвера съ Сибирью, съ юга съ Индо-Китаемъ. Къ заламъ, отведеннымъ для Китая, примыкаетъ галлерея, посвященная Камбоджѣ, Бирманіи, Аннаму, Тонкину (сравнительно незначительныя коллекціи изъ этихъ странъ помѣщаются внизу) и Сибири. Здѣсь опять-таки царствуетъ буддизмъ и кромѣ того сибирское шаманство.

Въ Японіи—имѣются двѣ религіи: шинто и буддизмъ. Шинто—религія національная, японцы связываютъ ея происхожденіе съ своимъ собственнымъ, шинто не допускаетъ идоловъ, хотя и признаетъ боговъ (богъ-творецъ—Аменомина—Канузиноками, владыка центра неба), но шинто имѣетъ храмы, часовни и культъ (родственный съ культомъ таоизма); предметы этого культа имѣетъ музей. Буддизмъ Японіи, какъ и Китая, сектантскій. Насчитываютъ много буддійскихъ сектъ въ Японіи (по характеру это вообще буддизмъ сѣверный съ сильно развитою обрядовою стороною). Музей даетъ возможность подробно ознакомиться съ ними. Кромѣ того въ музеѣ есть статуи и предметы, представляющіе собою, такъ сказать, иллюстрацію къ японскимъ легендамъ. Такова, напр., статуя, изображающая стараго дьявола, котораго бѣдность заставила сдѣлаться буддійскимъ монахомъ.

На второмъ этажѣ находятся коллекціи по египетской религіи. Они немногочисленны, но они имѣютъ вотъ какой интересъ: онѣ вводятъ насъ въ область позднѣйшаго синкретизма, представляютъ намъ египетскую религію въ эпоху римскаго владычества. Амонъ здѣсь слился съ Юпитеромъ и сталъ Юпитеръ—Амономъ, Изида соединилась въ одно лицо съ Деметрой. Даже такіе боги Египта, которые уже сами по себѣ представляли сложную комбинацію, являются здѣсь въ соединеніи еще болѣе сложномъ съ пантеономъ Рима. Мы находимъ здѣсь Юпитера—Сераписа. Вообще здѣсь выражена александрійская эпоха.

Я конечно, не могъ въ короткомъ изложеніи дать ясное представленіе о богатствахъ музея. Кромѣ перечисленныхъ въ музеѣ есть еще небольшая (обособленно стоящая) зала спеціально посвященная парсизму—теперешней религіи Зороастра. Здѣсь есть модель башни молчанія, въ которой парсы кладутъ трупы своихъ единовѣрцевъ, чтобы ихъ тѣла пожрали коршуны (землю—по ихъ представленію—нельзя осквернять погребеніемъ въ ней трупа). Въ музеѣ кромѣ религіозныхъ предметовъ имѣются еще рисунки и картины—иллюстраціи и комментаріи къ коллекціямъ. При музеѣ имѣется библіотека, множество манускриптовъ—китайскихъ и японскихъ, и всякій желающій заниматься встрѣчаетъ здѣсь любезный пріемъ. При музеѣ имѣется зала для ре-

фератовъ, они обыкновенно читаются по воскресеньямъ (лѣтомъ ихъ не бываетъ), не всегда они посвящены исторіи религій (такъ, мнѣ пришлось однажды быть на рефератѣ объ охотѣ у японцевъ по японскимъ рисункамъ и документамъ), но они посвящены ей преимущественно. Музей имѣетъ свои изданія. Одно изъ его важныхъ дѣлъ—переводъ на французскій языкъ священныхъ книгъ востока.

Такъ, человѣкъ, какъ существо религіозное, является предметомъ глубокаго вниманія и широкаго изученія въ Парижѣ. Недаромъ одинъ изъ французскихъ антропологовъ существенное отличіе человѣка отъ животныхъ положилъ въ религіозности перваго. Религіозность! Не будучи сами религіозными, французы задумываются надъ религіозностью, размышляютъ и читаютъ о ней (по богатству своихъ библіотекъ Парижъ можетъ быть сравниваемъ только съ Лондономъ).

Въ Брюсселѣ возникло общество ученыхъ принявшихъ девизъ nulla unquam inter fidem et rationem vera dessensio esse potest, но въ составѣ этого общества самыми выдающимися членами были парижскіе и вообще французскіе ученые. Я не знаю, былъ ли членомъ общества Пастеръ, который во всякомъ случаѣ по своимъ убѣжденіямъ былъ вѣрующимъ (католикомъ). Членомъ общества былъ Гермитъ—одинъ изъ самыхъ выдающихся математиковъ XIX столѣтія, онъ открылъ трансцендентность e, чѣмъ подсказалъ и рѣшеніе вопроса о квадратурѣ круга, онъ рѣшилъ уравненіе 5-ой степени въ эллиптическихъ интегралахъ. Членами общества были Корню—физикъ, Лаппаранъ—геологъ, Фабръ—энтомологъ. Въ Парижѣ издается журналъ Apologétique—къ сожалѣнію безъ нужды и безъ пользы для себя иногда рѣзко отзывающійся о православіи. Въ Парижѣ издается теперь апологетическій словарь d'Ales'a—цѣнное и полезное изданіе. Такъ въ Парижѣ рядомъ съ безрелигіознымъ изученіемъ религій стоитъ довольно солидно поставленная защита религіи. Въ послѣднее время Парижъ въ лицѣ математика Пуанкаре и философовъ Бутру и Бергсона далъ мыслителей, у которыхъ многое можетъ взять защитникъ религіи.

Съ другой стороны и Бельгія даетъ работниковъ для парижскихъ изданій о религіи. Укажу на египтолога Капара.

И Бельгія и Франція дѣлаютъ много для изслѣдованія

религіозныхъ проблемъ. Но у насъ и въ нашихъ духовныхъ школахъ почитаются нѣмцы. Многіе откровенно сознаются, что они горячіе поклонники нѣмецкой богословской науки. Я никогда не раздѣлялъ этого поклоненія; думаю, что оно основывается на недоразумѣніи и что настоящее положеніе вещей представляется наиболѣе удобнымъ для выясненія этого недоразумѣнія.

Если Богословіе есть наука, оно предполагаетъ собою знаніе, для своего развитія оно требуетъ творчества, у православнаго и католика это творчество регулируется вѣрою, у протестанта на мѣсто вѣры стоитъ фантазія. Для меня возможность многихъ предположеній относительно Библіи устранена, для протестанта возможно всякое предположеніе. Разъ онъ не умѣетъ согласить двухъ мѣстъ въ Священномъ Писаніи, онъ говоритъ, что они противорѣчатъ одно другому, написаны разными авторами, имѣвшими противоположные взгляды на вещи. Протестантская наука даритъ міру множество богословскихъ гипотезъ. Эти гипотезы ослѣпляютъ взоры многихъ и мы слышимъ постоянныя рѣчи о плодотворности и продуктивности нѣмецкой науки и о томъ, что наши православныя работы—хламъ, отзвукъ алхиміи и миѳологіи. Но я думаю, еслибы мы поѣхали по Конго и стали слушать дикарей объясняющихъ, отчего на лунѣ тѣни, мы познакомились бы со множествомъ поэтическихъ гипотезъ, а если мы обратимся къ астрономамъ, отъ всѣхъ мы получимъ одно и тоже объясненіе факта. Но мы не будемъ завидовать продуктивности дикарей Конго. Такъ о книгѣ Бытія невѣрующіе предложили сотни гипотезъ, и ничего не дали эти гипотезы, а вѣрующіе съ того времени, какъ была написана книга, и до настоящихъ дней говорятъ въ сущности одно и тоже. Вѣра стѣсняетъ свободу предположеній, но и знаніе и факты стѣсняютъ эту свободу, только невѣжество открываетъ безграничный просторъ для гипотезъ, и когда дается множество гипотезъ по одному и тому же вопросу, это есть ясный признакъ того, что для рѣшенія вопроса не имѣется достаточно научнаго матеріала.

Но мы слишкомъ переоцѣнили бы фантазію нѣмцевъ, если бы представили дѣло такъ, что гипотезы по вопросамъ религіи въ своей основѣ созданы ими. И этого нѣтъ. Нѣмцы славятся своей библейской критикой. Они разложили Свя-

щенное Писаніе, предложили для библейскихъ книгъ новыхъ авторовъ и новыя хронологическія даты. Но не имъ принадлежитъ иниціатива этого дѣла. Французъ Аструкъ обратилъ вниманіе на то, что въ однихъ отдѣлахъ Библіи Богъ называется исключительно Элогимъ, въ другихъ — Іегова. Отсюда—гипотеза объ авторахъ элогистѣ и іеговистѣ; отсюда—разложеніе Библіи. Для варіацій этого разложенія талантовъ не требуется и пожалуй даже, чѣмъ ихъ меньше тѣмъ лучше. Такъ изъ теоріи Аструка вышла теорія Вельгаузена. Въ своемъ послѣдовательномъ развитіи эта теорія должна придти къ отрицанію существованія Іисуса Назаретскаго, постепенно къ этому и приходятъ. Есть, вѣдь, начало служащее уздою и для нѣмецкой фантазіи. Это—научный духъ эпохи, боящійся сверхъестественнаго. Идеальный человѣкъ Іисусъ, изображенный въ Евангеліи, немыслимъ; значитъ, его и не было. Но повидимому остается возможность предположить, что былъ историческій Іисусъ, идеализированный его послѣдователями и получившій отъ нихъ ореолъ чудотворца и даже Бога. Нѣтъ; если допустить даже только это, то и тогда получится, что ветхозавѣтныя чаянія и пророчества о мессіи оправдались на Іисусѣ. Получится что-то провиденціальное и сверхъестественное. Этого не можетъ быть; слѣдовательно, этого не было.

Протестантизмъ при своемъ возникновеніи былъ религіознымъ, но не научнымъ. Потомъ онъ сталъ научнымъ, но безрелигіознымъ. Онъ неуклонно шелъ къ атеизму. И онъ въ сущности пришелъ къ нему. Но пока находится на стадіи худшей, чѣмъ атеизмъ—на стадіи лицемѣрія. Вы входите въ протестантскую церковь и Вамъ тамъ читаютъ о безсѣменномъ зачатіи Христа, о Его воскресеніи; вы входите въ университетскую аудиторію и порою тѣ же самые пасторы, которыхъ вы слышали въ церкви, въ роли профессоровъ сообщатъ вамъ, что не было ни безсѣменнаго зачатія, ни воскресенія Христа.

Но не думайте, что эти безрелигіозные учители религіи оказали на самомъ дѣлѣ много услугъ наукѣ о религіи. Нѣтъ. Безъ сомнѣнія развитіе этой науки обусловлено изученіемъ существовавшихъ и существующихъ религіозныхъ формъ. Важно было узнать китайскую религію. Іезуитъ Майритъ де Малла перевелъ китайскіе лѣтописи на французъ-

скій языкъ. Съ религіей древнихъ персовъ насъ познакомилъ впервые французъ Анкетиль дю Перронъ, переведшій авесту на французскій языкъ. Англичанинъ Кольбрукъ открылъ намъ тайны санскрита и ведъ. Французъ Шампольонъ далъ европейцамъ египетскую грамматику и тѣмъ открылъ доступъ къ изученію египетскихъ боговъ. Гдѣ же здѣсь нѣмцы?

Правда, нѣмецъ Гротефендъ много послужилъ дѣлу чтенія клинообразныхъ письменъ, но и памятники семитической письменности были находимы и дешифрированы главнымъ образомъ англичанами и французами. Знаменитая халдейская запись о потопѣ—англійское открытіе; памятникъ Меши, царя моавитскаго, найденъ французами и помѣщается въ іудейскомъ кабинетѣ Лувра. Статуя съ кодексомъ Гаммураби также найдена французской экспедиціей и также помѣщается въ Луврѣ.

Голландцы во главѣ съ Тиле послужили много исторіи религій. Но конечно, нельзя вычеркивать и нѣмцевъ изъ числа работниковъ, служившихъ наукѣ о религіи. Настоящая статья и не имѣетъ въ виду доказывать, что нѣмцы—ничто, но имѣетъ своею задачею обратить вниманіе на бельгійцевъ и французовъ, какъ на народности, давшія капитальныя работы и о религіозныхъ фактахъ и объ основаніяхъ для вѣры въ религіозныя истины.

Въ рѣчи о Парижѣ пришлось говорить главнымъ образомъ о безрелигіозномъ изученіи религіи. Но вѣрующій человѣкъ не можетъ смущаться тѣмъ, что невѣрующій изучаетъ вѣру. Пусть его изучаетъ! Чѣмъ внимательнѣе и добросовѣстнѣе онъ будетъ изучать факты вѣры, тѣмъ менѣе онъ будетъ склоненъ истолковывать ихъ легкомысленными гипотезами доселѣ циркулирующими въ кругу людей, имѣющихъ слабость считать себя образованными timor primos fecit deos, жрецы выдумали религію, рубль создалъ религію (экономическій матеріализмъ). Эти гипотезы придется отбросить. Придется также отбросить апріорную теорію эволюціи религій, какъ несогласующуюся съ фактами. Апріорныя схемы, въ которыя пытались укладывать религіозные факты съ легкой руки разныхъ невѣрующихъ ученыхъ, можно съ увѣренностію сказать, теперь не подходятъ къ фактамъ. Отсюда, конечно, еще далеко до того, чтобы ученые обратились

къ Библіи, какъ руководственному началу для пониманія религіозныхъ явленій. Но отсюда слѣдуетъ важный выводъ, что пониманіе основанное на Библіи во всякомъ случаѣ имѣетъ болѣе правъ на существованіе, чѣмъ пониманіе противорѣчащее фактамъ.

Въ рѣчи о Брюсселѣ мы говорили исключительно о дѣлѣ защиты религіозныхъ истинъ—объ апологетикѣ. Существуетъ мнѣніе, что апологетики не должно быть, что истинность христіанства должна выявляться какъ то сама собою. Это похоже на то, какъ если бы кто сказалъ, что истинность пиѳагоровой теоремы должна выявляться сама собою и что не должно представлять ея доказательства. Мнѣніе о ненужности апологетики не имѣетъ подъ собою логической почвы, но оно имѣетъ за собой психологію. Конечно, всякая теорія, всякое міросозерцаніе предполагаетъ собою основанія, которыя можно систематизировать и предлагать другимъ. Но противъ христіанской апологетики идутъ, потому что идутъ противъ христіанства. Защитниковъ христіанства хотятъ представить нечистоплотными адвокатами, защищающими завѣдомо неправое дѣло. Пусть смотрятъ и такъ. Не будемъ смущаться этимъ. Но все таки пусть выслушаютъ защиту. Въ ветхомъ завѣтѣ законъ не судилъ человѣка, „если прежде не выслушаютъ его и не узнаютъ, что онъ дѣлаетъ“ (Іоан. 7, 51). Этого правила должно держаться и теперь и всегда. Могутъ не принимать принциповъ брюссельскихъ ученыхъ, но не могутъ ихъ осуждать, не зная ихъ.